

Игорь Колосов

Выжившие хотят спать

В сумрачном подземелье с пеньками догоревших свечей десятки людей лежат вповалку. Некоторые мертвы. Большинство спит, но сон глубок — от него до смерти ближе, чем до пробуждения. Два тусклых, слабеющих фонаря освещают теплую одежду темных тонов. Тихое дыхание. Стоны. Бормотание. Эти звуки бессильны против тишины кладбища.

Один из застывших вскрикивает во сне, дергается. Переворачивается на другой бок. Его вскинутая правая рука по инерции опускается на лицо соседа. Хлесткий звук удара. Сосед дергается.

И открывает глаза — просыпается. Из носа медленно течет кровь. Он садится, оглядывается, в глазах — страх и недоумение. Он замечает у себя кровь, но это не действует с такой силой, как вид неподвижных тел и отсутствие хотя бы одного неспящего. Что-то — он сам не знает что — вынуждает его трясти лежащую рядом молодую женщину, затем ближайших соседей. Всех подряд. Женщина просыпается медленно, не сразу понимает, где она. За ней просыпается еще несколько человек.

Некоторые не просыпаются, несмотря на

тряску. Он задерживает на их телах руку. Так и есть — холодная, окоченевшая плоть. Умерли? Во сне? От чего? Он не говорит ни слова другим, как будто звук голоса станет катализатором нового несчастья, он просто показывает проснувшимся на тех, кто уснул навеки, и они понимают его без слов.

Непродолжительная заминка заканчивается суевой: небольшая группка будит остальных — вырывает из когтей смерти как можно большее количество народу. Большинство просыпается с трудом. Есть те, кто уже не проснется.

Плач детей. Матери укачивают их, успокаивают, и это тоже происходит без слов. Выжившие смотрят друг другу в глаза. Что-то говорить — тратить энергию, им это известно, а сколько им еще терпеть, этого не знает никто. Они смотрят друг другу в глаза, и это похоже на чтение мелкого шрифта: нужно напрягаться, хочется отвернуться, не читать до конца. Но читать приходится, и смысл становится понятен.

Каждый из них понимает: им нужно как можно больше спать, это — основа надежды на выживание, но с этого момента кто-то обязательно должен бодрствовать. Не спать.

Иначе никто никогда не проснется.

Он смотрел, как она вздрагивает во сне, и внутри у него все обжигала тоска.

Прежний мир больше не существовал, остался лишь его призрак, враждебный, дурно пахнущий. Как и остальные выжившие, они превратились в перекасти-поле, и впереди их ждала постоянная, изматывающая игра в прятки со смертью. Вопрос был лишь в том, насколько у них хватит сил?

Иван погладил спящую Еву по лицу, поднялся с колен, выглянул из окна. Место, где они остановились, настолько удобное, что он неосознанно ждал неприятностей. Продуктовый магазин, полный консервов, который до сих пор никто не разорил, казался крошечным раем. Но разве рай находится посреди ада? Что-то Иван упустил, и они скоро уйдут отсюда. Даже ночевать не останутся.

Из окна просматривался перекресток и противоположная сторона улицы. Ряд полуразрушенных катаклизмами, временем и выжившими людьми зданий. Тихо. Даже крыс не слышно. Странно, что в здании нет помета этих тварей. До сих пор не добрались? Разве есть такие места?

Ивану померещилось движение на улице, он прижался щекой к стеклу.

По улице кто-то двигался. «Шатун»! На

последней стадии, едва переставляющий ноги, он брел, спотыкаясь, вскидывал голову, но сомнений не возникало — обречен. Еще немного, и он заснет на ходу. Заснет, чтобы уже никогда не проснуться.

Во сне застонала Ева. Иван покосился на нее, затем проводил взглядом шатуна.

Через несколько минут появился еще один. На этот раз женщина средних лет, одета тепло, несмотря на летнюю погоду. Похоже, она борется давно. Снова застонала Ева. Такое чувство, что шатуны мешают ее сну.

Иван отвернулся, посмотрел на Еву. Захотелось прижаться к ней, ласкать, благодарить и снова благодарить за то, что она есть. Господь, если это Он наслал Великую Катастрофу, наконец-то, отыскал средство, чтобы мужчина и женщина ценили друг друга, чтобы необходимость друг в друге была замешана на физической смерти. В нынешние времена человек не мог выжить один. Сейчас, чтобы проснуться, его нужно будить. Только вмешательство извне вытаскивало его из состояния, которое плавно переходило в смерть. Сон — брат смерти? Чье это изречение? Китайское? Теперь, если хочешь жить, спать можно только по очереди. Если есть с кем. В противном случае не поможет ни воля, ни хитроумные приспособления. Только человек мог сейчас разбудить человека, а не шумовое устройство, падающий тяжелый предмет,

ляющаяся на голову вода. Можно подумать, что лишь телесный контакт с другим живым существом способен извлечь сознание спящего на поверхность.

Мимо магазина проковылял очередной шатун — молодой мужчина. Многовато их в одном месте. Ивану это не понравилось, желание убраться из магазина окрепло. На последнем издыхании шатуны становятся агрессивными, а если их много, это может быть по-настоящему опасным. Перед кончиной у них обостряются все чувства.

Иван хотел выйти, убедиться, что шатуны скрылись из вида, сонливость вынудила его переменить решение. Лучше не рисковать. Он разбудил Еву. Иван тормозил ее несколько минут — она мало поспала, сон отпускал ее неохотно.

Он передал ей старые, до сих пор идущие часы, постучал по циферблату.

— Мне нужно поспать. Один час. Слышишь, Ева?

— Час?

— Да. Мы уйдем отсюда. На ночь здесь лучше не оставаться.

Она хотела что-то спросить, но промолчала.

— Разбудишь меня через час. Ни минуты больше.

Она коснулась губами его щеки.

— Спи, не волнуйся. Мог и не говорить ничего. Ты все время твердишь: ни минуты больше.

Она гладила его руку, дрема подхватила его сознание.

Откуда у них эта потребность во сне?

Сосед Ивана, работник какого-то НИИ, который находился в той же группе, где Иван и Ева пережили Великий Холод, высказал предположение, что именно из-за длительного бездействия, ожидания и стресса у человека в организме произошли определенные изменения. Сколько длился Великий Холод, точно не знал никто. Не было ни весны, ни лета, одна бесконечная зима. Даже ночь не сменялась днем. Был лишь один способ бороться с этим — как можно больше спать.

Засыпая, Иван вздрагивал. Он снова переживал тот момент, когда однажды проснулся от сильного подземного толчка. Ева — а она уже не спала — смотрела на него расширенными глазами и не могла говорить. Казалось, где-то глубоко под землей взорвали самую гигантскую бомбу во Вселенной. Однако многоквартирный дом, куда они с Евой недавно переехали, не развалился на части. Это выглядело противоестественно, что соседние дома стоят невредимые. Что-то трянуло землю, а разрушений не было. Но это оказалось только начало.

Великий Холод пришел, когда первоначальная паника сходила на нет. Дальше

небольшого шока и кое-где локальных беспорядков дело не пошло. Холод ударил внезапно, и все-таки какие-то часы — пока температуры не стали зашкаливать ниже всех мыслимых пределов — у людей были. Другой вопрос, что мало кто понимал, куда бежать, какое убежище надежней и как быстро его надо достичь, чтобы не оказаться отрезанным от последнего призрачного шанса.

Ивану и Еве повезло лишь потому, что они пошли на поводу у своих соседей. Те бежали к ближайшей станции метро, паника заразила Ивана и Еву. Так они оказались в числе спасенных, но кто знает, не лучше ли было умереть еще тогда?

Почему-то Ивану вспоминался и снился именно подземный толчок, бегство к метро при первом морозе посреди лета. Это был предел, разделивший Прежнюю Жизнь и теперешнее существование. То, что происходило в метро, превратилось во что-то смутное и неправдоподобное. Казалось, Иван слышал эту историю с чьих-то слов, историю неинтересную и потому плохо запомнившуюся. Сплошное ожидание и нервная, изматывающая дележка принесенных извне продуктов. К счастью, группа, где оказались Иван и Ева, избежала кровавых разборок. Стычки, мелкие, без серьезных последствий, случались всего пару раз. Потом возникла еще одна проблема — они все чуть не

умерли во сне. Каждый хотел спать, и они спали, спали, спали — так было легче, меньше хотелось есть, пить, меньше оставалось времени на раздумья и терзания. Вскоре они заснули все. Если бы не случайность — разбитый спящим соседом нос, Иван не проснулся бы и не разбудил остальных. Но дальше появилась еще одна причина для споров: дежурить одному или несколькими? Каждый хотел урвать себе лишние минуты сна, но как разделить дежурства поровну и проконтролировать, что все честно?

Когда появилась весть, что Холод ушел, и люди поднялись на поверхность, Иван и Ева прибились к новой группе. Ими двигала тщетная надежда, что где-то будет лучше, чем раньше. Вся их прежняя жизнь проходила под знаком принадлежности к какой-то группе, не так ли? Избавиться от этого оказалось непросто.

На поверхности были такие же растерянные люди, они наблюдали множество оттаивающих трупов и замерший технический мир. Без человеческого фактора все превратилось бы в ненужный хлам даже без последствий от низких температур. Теперь, в новых условиях, группы напоминали скорее стаи, беспредел явил себя быстро. Иван и Ева отбились от своей группы, едва не став жертвами. Окружающая действительность лишь подтверждала, что отныне по доброй воле

люди не создадут сообществ, они разобьются на пары или мелкие группы. Сколько это продлится, неизвестно, но теперь никто и не планировал на годы или месяцы вперед.

Иван и Ева были вместе изначально. Молодожены, общие интересы, на мир смотрят одинаково, психологическая и сексуальная совместимость. Но любой из этих факторов давно превратился в набор слов, важным было лишь осознание факта, что поодиночке их ждет смерть. Все остальное — интересы и взгляды — вдруг превратились в вещи, что остались в брошенной квартире. Они бы не помешали, но их нет, и лучше не терзаться, забыть о них навсегда.

Иван медлил, не желая оставить Еву одну даже ненадолго.

Он выглядела такой беззащитной. Бодрствующая она казалась девчонкой, которую легко обидеть. Худая, голенастая, небольшая грудь, удлинённый, неправильной формы подбородок, большие глаза. Волосы грязные — только ради этого надо устроить ей ванну в ближайшее время. Ее никак не назовешь шикарной, но для Ивана она была родная — это перевешивало многое другое. Кроме того, понятие женской красоты теперь стало иным.

Иван оглядел себя. Застиранные джинсы,

старая клетчатая рубашка, доживающие свой век ботинки. Лица своего он не видел давно, но, судя по всему, последний год внешности его не улучшил. Чтобы меньше возиться с гигиеной, Ева брила ему волосы на голове и вполне серьезно планировала делать то же с собой. Пока Иван ее отговаривал, но с каждым разом все с большим трудом.

Он подходил к двери, когда Ева повернулась во сне, легла на спину, раскинув руки. Иван замер, вернулся, присел на корточки. Он потрогал ее живот. Живот казался еще более выпуклым, чем раньше. Его уже можно рассмотреть под одеждой.

И как Иван не заметил этого до признания Евы?

Пять недель назад Ева впервые сказала, что вроде бы беременна. Вроде бы! Иван лишь усмехнулся. Во время Великого Холода пронесся слух, что дети больше не рождаются. Это казалось естественным — какие дети в такое время? Время шло, женщины не беременели. Маленьких детей уже не осталось. Выжившие выросли. И это не выглядело странным и зловещим катаклизмом. На кого рожать новое поколение? Кто стал бы родителем в здравом уме?

Когда спустя неделю Ева подтвердила собственный диагноз, признавшись, что месячных нет более трех месяцев, но она сама долго не верила в истинную причину, Иван не знал, радоваться ему

или горевать. Он решил не заглядывать так далеко, постарался об этом забыть.

Напоминанием стал живот Евы, не ее слова. Иван погладил ее живот, нехотя поднялся, вышел из здания. Он вытянул из-за пояса топор, перехватил поудобней. Далеко он не пойдет. Надо убедиться, что в нужном направлении тихо, безлюдно. Из города лучше уйти на рассвете. Если ночь застанет в пути к другому населенному пункту, есть риск стать жертвой собак. Крысы так не хозяйничали в городах, как собаки, сбившиеся в стаи, на дорогах. Неужто раньше это были друзья человека? Сейчас они превратились в самодостаточную массу. Они размножались, чтобы пожирать самих себя. Если рядом не было иных существ. Именно из-за собак, не только из-за крыс, люди не могли оставаться на одном месте подолгу.

Вечером из города выходить нельзя. Надо найти новое пристанище. Менее приметное и простенькое, но пристанище. Можно устроить там склад консервов. На всякий случай. Они с Евой уже возвращались туда, откуда, казалось, уходили навсегда. Все, что нашлось в магазине, с собой не унесешь, и смысл оставить тайник с припасами есть.

Насколько все было бы проще, будь у них возможность осесть на одном месте! Не надо постоянно куда-то идти, можно сделать запасы

продуктов и необходимых вещей, многие из которых не возьмешь с собой в путь. Но это нереально. Сидеть на одном месте — еще опасней, чем куда-то идти. Собачьи стаи все чаще появляются в городах. Если они учуют человека даже в большом многоквартирном доме, можно не сомневаться — кольцо оцепления обеспечено. Не помогут ни разные выходы, ни этажи. Но даже не будь собак, не дадут жить крысы. Сначала появится одна, затем с десятков, а после, если человек по-прежнему будет находиться в этом месте, они полезут сотнями, обнаглев, не обращая внимания, что кто-то убивает их сородичей. Всех не убьешь, и каждая гадина рассчитывает на собственную удачу. Своих тоже можно жрать, если не перепадет с человеческого стола.

Иван шел медленно, часто останавливался, оглядываясь, прислушиваясь к тишине. Заходящее солнце грело ему спину. Он ориентировался, что они выйдут из города в восточном направлении. Значения это не имело, но всегда приятно начинать переход, когда солнце светит в лицо. Они постепенно шли из родных мест в юго-восточном направлении: день начинается с того, что идешь навстречу солнцу, оно незаметно смещается, человек вместе с ним смещается в южную сторону. Ева однажды заметила, что ощущает эту странную потребность — как можно чаще подставлять лицо

солнцу, если день не пасмурный.

Подумав о Еве, Иван улыбнулся. Человек в силах привыкнуть к чему угодно. Вот и Иван привык. Сколько было раньше терзаний по мелочам в Пржежней Жизни? Сейчас все страхи и тревоги направлены на то, чтобы выжить, чтобы Ева была сыта, достаточно поспала, чтобы ее не жгла та же тоска, что иногда не дает покоя Ивану. Страхи и тревоги растворяются в этой беготне наперегонки со смертью. Временами Ивану казалось, что все не так плохо, а то, что всегда может быть хуже, эту истину он не забывал. Когда ему довелось видеть, как падает в забытыи шатун, чтобы вскоре умереть, Иван понял, что не имеет права жаловаться ни на что.

На широком перекрестке Иван задержался. Дальше он идти не собирался — помнил, что Ева спит и беззащитна. Пристанище нужно искать до этого перекрестка, чтобы недалеко носить консервы. Его внимание привлекло трехэтажное кирпичное здание. Похоже на супермаркет в Пржежней Жизни. Облезлое, с дырявой крышей, но выглядит крепким, кое-где в окнах даже уцелели стекла! Там наверняка есть несколько выходов и масса мелких подсобных помещений. Можно оборудовать тайник, устроиться самим. Возможно, они с Евой уйдут не завтра, а через день-два. Надо отдохнуть, пока есть возможность, никогда не

знаешь, что ждет впереди. Собачьих следов нигде не видно, нет признаков присутствия банд, которые ищут рабов. В этом городе вообще минимум признаков того, в какую помойную яму превратился мир.

До возвращения нужно заглянуть в супермаркет. Иван повернулся, что-то на асфальте впереди привлекло его внимание. Он приблизился. Это был какой-то знак и надпись мелом, разобрать мешали многочисленные трещины на асфальте. Иван пригнулся.

Жирная неровная стрелка указывала в восточном направлении.

Рядом была надпись корявыми буквами: «ИДИ ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ».

2

Грэг оскалился. Он наблюдал за этой парочкой с утра, но они никак не могли определиться с временным пристанищем. Они бродили по городу, а время шло, и Грэг чувствовал, что сонливость стучится к нему все настойчивей.

Он напал бы на них давно, его не пугал крупный мужчина, но Грэг понимал: реакция женщины, на глазах которой погиб ее партнер, непредсказуема. Куда проще добиться ее союза, действуя по первоначальному плану. Для этого

Грэггу нужно дождаться, когда женщина уснет.

Он выругался — у него слабели ноги. Все сложнее следить, используя частые короткие перебежки. Грэг знал, что в городе находится стая собак — видел собачий кал. Твари, раз уж они заявили в город, наверняка бродят, прочесывая квартал за кварталом. Остается надежда, что их задержит кто-то другой, прежде чем они наткнутся на эту парочку, которая была для Грэга последним шансом.

Парочка остановилась перед двухэтажным зданием с зияющей пастью пустого дверного проема. В Прежней Жизни это мог быть жилой дом, почта или какой-нибудь развлекательный центр. Мужчина заглянул внутрь, женщина осталась снаружи. Она оглядывалась, но Грэг был спокоен — успел занять хорошую позицию в кустарнике, наискосок от потенциального прибежища парочки. Наконец-то! В предвкушении спасения Грэг посмотрел на эту женщину, как мужчина. До этого он даже не думал об этом.

Темная, чуть крупновата, красивая фигура. И лицо привлекательное.

Его глаза закрылись, и Грэг вскочил, рискуя обнаружить себя, ущипнул бедро, сдавил сосок на груди. Его качнуло. Время для него истекало.

Партнер брюнетки вышел, они о чем-то поговорили и... двинулись дальше. Проклятье! Грэг

едва не заорал на них. Они шли, разглядывая здания, мужчина постоянно оглядывался, и Грэг не рискнул покинуть укрытие. Днем он уже терял их из вида, но тогда он был не такой сонный, силенок было побольше. Тогда он их быстро нашел.

Ему захотелось позвать их, попытаться стать третьим. Он с трудом удержался. Нет! Они его не примут. Он практически шатун, а таких все опасаются. И зачем он им? Кто знает, что у него на уме? Вдруг он подослан бандой? Нет, они не рискнут, и Грэг упустит свой последний призрачный шанс. Скоро он перестанет соображать, и тогда все будет кончено. Надежда таяла, но все-таки еще была.

Грэг собирался выскочить из кустарника и перебежать улицу, когда парочка остановилась, о чем-то посоветовалась. Грэг пригнулся. Он щипал себя, щипал, ему хотелось кричать от боли.

Парочка вернулась назад, остановилась у двухэтажного здания. Теперь оба рассматривали дом и не говорили ни слова. Грэг почувствовал ликование. Скоро, очень скоро кто-то из них заснет и, скорее всего, это будет женщина. Впрочем, если повезет не на все сто, и заснет мужчина, а брюнетка останется рядом, он убьет ее. Жаль, но выбора нет. Главное — жизнь, а секс — лишь дополнение. Без которого можно обойтись.

Грэг уже существовал в паре с женщиной.

Аркадию было лет под пятьдесят, он страдал одышкой, и у Грэга было много возни и споров с партнером, но Грэг засыпал, будучи уверенным, что проснется. После вечно потеющего и быстро устающего Аркадия партнер брюнетки — вполне приемлемый вариант. Грэг смотрел на застывшую парочку, а перед глазами было красное, в слезах лицо Аркадия. Этот кретин умудрился сломать ногу на ровном месте, кость торчала наружу, за ним тянулся кровавый след, а сам Аркадий причитал, умоляя Грэга помочь ему. Но что можно было сделать? Сколько прошло бы недель, прежде чем Аркадий смог бы ходить? В его состоянии спать нужно было еще дольше, и однажды — Грэг был в этом уверен — Аркадий заснул бы до того, как разбудить Грэга.

И Грэг оставил его. Аркадий вопил, умолял, угрожал, но в реальности Грэг был в такой же безвыходной ситуации. Ему просто повезло, что он наткнулся на брюнетку с партнером. Да, сначала ему повезло, что Аркадий вообще вернулся — дополз до Грэга, вырвал его из сна-смерти. Он мог потерять сознание от болевого шока или ослабнуть, а Грэг бы спал, не зная, что больше не проснется. И на том спасибо.

Парочка почему-то медлила, Грэгом вновь овладела паника. Какого черта? Сколько можно выбирать? Его уже трясло, тело требовало сна, и

Грэг понял, что ясным сознание останется не дольше получаса.

Партнер брюнетки осмотрел улицу, обнял женщину за талию, потянул к дверному проему. Они вошли внутрь.

Грэг тяжело дышал и боялся пошевелиться, как если бы это было плохой приметой и могло испугнуть парочку. Чтобы глаза не закрывались, он до крови кусал язык. Пока боль отгоняла сон. Но страх нет — каждую секунду Грэгу мерещилось, что из дверного проема выходят две фигуры.

Минуты, медленно умирая, вонзались в тело порциями снотворного. Грэг не выдержал — теперь сон могло побороть только движение — и вышел из укрытия, опираясь на палку, побрел через дорогу к зданию.

Хуже всего, если мужчина брюнетки решил сидеть внутри, никуда не выходить, да еще следить за улицей.

Грэг приблизился к углу здания, когда из дверного проема появился мужчина. Грэг замер. Он хотел податься вправо, чтобы его скрыл угол, но опоздал — мужчина его заметил. Они стояли, смотрели друг другу в глаза, их разделяло шагов десять, и никто не шевелился. Противник вдруг показался Грэгу шире, выше, гораздо мощнее, чем на расстоянии. Даже не будь Грэг измотан, вопрос,

одолеет ли он мужчину, был спорным. Противник напрягся, готовый отступить под защиту здания, внезапное нападение невозможно.

Грэг, пошатнувшись, повалился на землю. Это вышло само собой, здесь было и отчаяние, изможденность, и надежда, что его состояние вызовет сострадание и, глядишь, его просто возьмут третьим, и, конечно, мысль, что это единственный способ заманить противника в ловушку. Грэг дернулся пару раз, застонал, что-то невнятно причитая, затих. Палку из правой руки он не выпустил.

Он лежал, понимая, что с закрытыми глазами, не шевелясь, он выдержит минуту-две. Невероятным усилием воли он подавил желание повернуть голову и посмотреть, что делает партнер брюнетки.

Легкий шорох шагов. Мужчина приближался, медленно, осторожно, но усилия Грэга дали результат. Теперь он для противника неопасен, он в отключке, это даже не шатун, от которого не знаешь, чего ждать. Теперь, когда Грэг не отличается от трупа, если принять его одиночество, он — законная добыча бодрствующих. Кто знает, что у него в карманах? Пройти мимо и не проверить может лишь глупец.

Партнер брюнетки глупцом не был. Он подошел к Грэгу, потрогал его плечо носком

ботинка. Пнул сильнее, склонился.

— Эй!

Голос был каким-то странным, невнятным. Грэг понял, что засыпает. Не осталось времени, чтобы чуть-чуть выждать и действовать наверняка.

С криком Грэг ударил противника палкой по голове. Вскинулся и снова ударил, на этот раз сильнее. Шокированный, противник застонал, хватаясь за голову. Грэг, не останавливаясь, нанес пять ударов, пока мужчина не повалился на землю. Грэг бил еще трижды, вкладывая всю силу.

Мужчина затих, глаза смотрели куда-то в сторону, вокруг головы темно-бордовым нимбом растекалась кровь. Грэг, пошатываясь, всмотрелся в его лицо, попятился. Захотелось прилечь на минуту, нет, на пару секунд, потребность была ужасающей, Грэг даже опустился на корточки, разглядывая землю. С усилием он поднялся. Ему показалось, что он все равно не дойдет, а если и так, нужно еще разбудить брюнетку и сказать ей пару слов, обязательно что-то сказать, иначе она поймет, что он прикончил ее партнера.

Грэг сжал зубы, глядя на дверной проем здания, двинулся вперед, почти не шатаясь.

Грэг тряс брюнетку, глаза его закрывались, некоторые слова получались невнятными. Она просыпалась медленно. Неудивительно — спала

она недолго.

Она открыла глаза, несколько секунд смотрела на него, не узнавая.

— Виктор?

Грэг убрал с ее плеча руку, отступил на шаг. Сейчас главное, чтобы в его движениях не было агрессии.

— Мне надо... поспать...

Брюнетка увидела, что это не Виктор. Она вскочила, ее вопль прозвучал, как удар. Грэг, пошатнувшись, отошел еще на пару шагов. Брюнетка метнулась к выходу, но неуклюже, оступилась, с трудом удержала равновесие.

— Виктор!!!

Грэг сел на пол, стоять было выше его сил.

— Не выходи! Его убили... Не выходи, они еще не ушли.

Брюнетка выскочила из здания. Застонав от боли в прокушенной губе, Грэг поднялся, проковылял к выходу.

Брюнетка металась по улице и звала Виктора. Грэг оперся о дверной косяк, напрягся, чтобы его голос можно было услышать.

— Останься со мной! Прошу... Твоего мужа больше нет... Не уходи!

Она заметила тело Виктора, бросилась к нему.

Грэг помедлил, убрал руку от дверного косяка, кое-как шагнул вперед, направляясь к своей

черноволосой надежде на продолжение жизни. Она причитала над телом, трясла его. Грэг остановился, на ходу он уже не мог говорить.

— Оставь его! Прячься... или нас заметят.

— Ты убил его!

Грэг мотнул головой, это движение едва не вынудило его повалиться.

— Это не я... Я не убивал... Прячься!

— Убийца!

Вытянув руки перед собой, Грэг пошел к ней. Он не смог бы с ней справиться, но в теперешнем состоянии брюнетка этого не понимала. Она вскочила, попятилась.

— Не подходи! Не подходи ко мне! Ты убил его, сволочь!

— Это не я! Я хочу спать... Не уходи.

— За что ты его убил?!

Грэг хотел сказать еще пару слов, но сознание помутнело, все стало безразличным. Он повернулся влево, как будто выбирая место, хотя в реальности не осознавал, что делает. Он заснул до того, как грузно повалился в траву возле тротуара и свернулся калачиком.

Черноволосая застыла, глядя на него. Она переводила взгляд с мертвого мужа на спящего незнакомца, и уверенность, что он был убийцей, пошатнулась. Вернее это показалось неважным.

Важным вдруг стало то, что она одна —

одинокость показалась упавшей на голову крышей. И хотя одиночество не было полным — поблизости спал незнакомец, он был еще жив в отличие от мужа, но брюнетка, глядя на него, не была уверена, что даже в самый последний момент у нее хватит духу подойти и разбудить его.

Она опустилась на землю, закрыла лицо руками, беззвучно заплакала.

3

Иван придержал Еву за локоть.

— Смотри. Вот здесь.

Они остановились на перекрестке, он указал ей на знак и надпись.

Ева долго рассматривала буквы и стрелку.

Иван тронул ее за руку. Она покосилась на него.

— Что это?

— Не знаю... Кто-то оставил. И не так давно.

Пару дождей — и все бы смыло. Свежая надпись.

Ева осмотрелась, на лице — беспокойство.

— Где мы ночуем?

Он указал на трехэтажное кирпичное здание.

— Здесь. Я уже проверил. Есть пару отличных мест. Пошли.

— А консервы? Мы же мало взяли.

Иван глянул на небо. Солнце висело над горизонтом.

— Знаешь... я хотел проверить, нет ли поблизости еще таких знаков...

Ева заглянула ему в глаза.

— Зачем?

— Хочу узнать, куда они ведут.

— Ты же сам сказал, что мы уйдем из этого города.

— Сказал. Но... мало ли что это за стрелки. Мы же никуда не спешим.

— Хорошо. Но скоро стемнеет. А ты хотел устроить тайник для еды.

Он повернулся, потянул ее за собой.

— Ладно. Две ходки мы сделаем. А завтра, как рассветет, я поищу знаки.

В сумерках они принесли вторую партию консервов. Иван сложил их в тайник в небольшом служебном помещении, где вряд ли бы кто-то решил разместиться на ночь — неудобно и выход всего один, замаскировал по мере возможности. Вдвоем они заняли просторное помещение на третьем этаже, с несколькими выходами. Отсюда просматривалась улица, подступы к центральному входу.

Они перекусили и, прижавшись друг к другу поблизости от окна, смотрели на небо. Разговор Ивана крутился вокруг знаков, но Еве это не нравилось, она не поддерживала беседу, и он решил, что один из них должен лечь спать. Первым

заснул Иван. После полуночи Ева разбудила его, незадолго до рассвета они вновь сменили друг друга.

Рассвело. Иван, разбуженный Евой, какое-то время любовался ею, прислушиваясь к тишине, затем накрыл жену, чтобы при появлении постороннего она не сразу бы оказалась в его поле зрения, и вышел.

Он торопливо перемещался по близлежащим улицам, выискивая надписи мелом, как стая собак, взявшая след человека. Он отгонял вопрос, зачем ищет эти знаки, он понимал, что из города им все равно лучше уйти. Иван знал, почему вчера Ева не хотела обсуждать эту тему. Здесь было два варианта. Либо кто-то заманивает простаков, используя слово «ВЫЖИТЬ», либо какая-то группа людей действительно налаживала нормальное сосуществование.

В последнее верилось с трудом. Точнее не верилось абсолютно. Слишком много «но». И самое главное из них — Иван с Евой лично убедились, чем заканчивается коллективное сосуществование в мире после Прежней Жизни. Даже если главные в группе — достойные люди, даже если у них лишь благие намерения, многие мелочи дают о себе знать, превращаясь в мелкие трещины в борту общего корабля. Результат один. И все-таки странная, нелогичная надежда куда-то толкала,

противиться ей было сложно.

Иван вспомнил, как однажды определил для себя отличие между полом, будь то человек или животное. Речь шла об опытах с мышатами. Самцы норовили протиснуться в какую-то щель, где их ждала смерть в виде кота. А самочки никуда не лезли, они довольствовались тем, что есть в загончике. С «женской» логикой спорить тяжело.

Вряд ли Ева довольна жизнью, но у них была хоть какая-то стабильность, плюс ее беременность. Ева не хотела никаких экспериментов, и он ее понимал. Всегда может быть еще хуже. А надеяться на лучшее... Надеяться можно, но лучше не предпринимать ничего, что не несет никаких гарантий. В противном случае можно уподобиться тем самым мышатам-самцам.

Иван заметил, как впереди расступаются высотные дома, и улица уходит в одноэтажное предместье. Мост через железнодорожные пути, по краям два высоких дерева, как два вышибалы на выходе, и все — через несколько кварталов города нет.

Иван заколебался, оглянувшись. Знаков больше нигде не было. Он все исходил в этой части города. Если тот, кто оставлял знаки, стремился, чтобы их увидели, Иван не мог их не заметить. Мелькнуло едва уловимое разочарование, но облегчение тоже было — теперь не надо терзаться,

спорить с Евой и гнать от себя страх ошибки.

Иван прошел к мосту, чтобы убедиться, что он не разрушен, и они смогут перейти. За горизонтом, куда стремилась лента железной дороги, показался краешек солнца. Мост был в порядке.

А посреди моста кто-то начертил мелом стрелку. Она указывала на восток.

Они оставили мост и знак на нем позади, но продвигались медленно. Город не заканчивался, не желая выпускать их из своего чрева. Иван смотрел под ноги, и Ева замечала эти взгляды.

— Ищешь знаки?

— Просто смотрю... — он помолчал. — Я вот думаю, не поздно ли выходить из города? Скоро полдень...

— Останемся здесь еще на одну ночь?

— Похоже на то. Городок немаленький.

— А как он назывался раньше? Ты мог бы догадаться?

Иван покосился на нее. Ева впервые заинтересовалась названием города. Прежде это не имело смысла, но что изменилось сейчас?

— Не знаешь? — спросила Ева.

— Здесь несколько зданий, похожих на институты. Плюс курган, несколько памятников, тот же всадник и гуслир — такого в мелких городах не строят. Плюс река, достаточно широкая.

— И что?

— Ту реку, что была Днепром, мы прошли... уже пару недель будет, если не месяц. Значит, это не Гомель. Брянск или Орел. Или Курск. Не помню, в Курске есть река? Если и есть, не такая широкая. В Орле — Ока. В Брянске — Десна. Но если бы это был Орел, значит, мы где-то перешли бы Десну... — он помолчал. — Или Десна в верхнем течении узкая, и мы ее не запомнили?

— Брянск или Орел?

— Скорее всего, Брянск.

— Иван, если не уходим из города, давай остановимся где-нибудь пораньше? Все равно окраина близко.

Резкая смена разговора вызвала у Ивана заминку.

— Сейчас что-нибудь найдем. Устала?

Ева хотела ответить, он ее взгляд застыл. Иван глянул на нее, покосился по сторонам. Несколько долгих секунд он искал причину такой реакции.

— Что?

— Ты слышал?

— В чем дело, Ева?

— Кажется... выла собака. Может, ошибаюсь... но что-то я слышала.

Когда вокруг тишина, перепутать один звук с другим невозможно. Но оглушающая тишина порождает иллюзии. Особенно, если человек

чего-то боится. Иван ничего не слышал, надеялся, что Ева ошиблась, но решил подстраховаться.

— Пойдем. Быстрее...

Они прошли мимо двух домов, пересекли несколько захламленных участков, которые когда-то были задними дворами, вышли на соседнюю улицу. Иван держал Еву за руку, она едва поспевала за ним. Они снова углубились в участки, вышли на параллельную улицу, там резко изменили направление, двинулись назад.

Иван остановился, снял рюкзак, покопался внутри.

— На всякий случай... оставлю подарочек. Самую малость.

Он достал небольшой пакетик, раскрыл его, взял щепотку молотого перца, бросил на дорогу.

— Давай пробежимся.

Через два квартала, запыхавшиеся, они остановились. Иван прижал Еву к себе, она положила голову ему на плечо.

— Молодец. Быстрее меня бегаешь.

— Да уж... Мне сейчас только бегом заниматься.

— Прости. Зато они нас уже не достанут.

Полной уверенности не было, но стало спокойней, хотя присутствие в городе собак — мрачный, опасный факт. Иван и Ева тем более не могли покинуть город сейчас. За его пределами

шансы выжить станут минимальными, если стая покинет город в том же направлении и возьмет след. Иван указал на здание без входной двери на противоположной стороне улицы, Ева кивнула, вдвоем они направились через дорогу.

Когда они выходили на тротуар, оба увидели в оконном проеме мелькнувшую тень. Ева подалась назад, Иван выхватил топор, закрывая собой жену.

Два разных страха играли в перетягивание каната: Анна не подходила к спящему незнакомцу, но и не уходила прочь оттуда, где рядом со спящим находился труп ее мужа.

Она знала, что в одиночестве обречена, но была уверена, что не заставит себя разбудить человека (и тем самым спасти и его, и себя?), который, судя по всему, убил ее мужа. Есть шанс, что незнакомец сказал правду, и Виктора убил кто-то другой. Но даже в этом случае Анна не могла смириться с тем, что дальше ее жизнь станет общей с жизнью незнакомца. Сейчас совместное сосуществование предполагало такое переплетение чувств, интересов, времяпрепровождения, что никакой Прежней Жизни было не под силу настолько тесно соединять людей.

После полудня появились первые признаки сонливости. Анна удивилась: из-за своего горя сон

казался невысказанным. Время шло, потребность усиливалась, нарастала. Они с Виктором бродили долгие часы, прежде чем Анна уснула в новом убежище, но спала она от силы полчаса и теперь на собственном опыте убеждалась, что человек со всеми своими идеалами, заявлениями и стремлением — горсть праха, не больше.

Обычная физическая потребность, приправленная осознанием того, что без посторонней помощи все это закончится смертью, приглушила боль от смерти мужа, страх от присутствия незнакомца и понимания, что он — единственная надежда выжить. С каждой минутой тускнело неприятие того крайнего варианта, на который Анна могла рассчитывать.

Как ни странно, страх и горечь от того, как блекнет в ее глазах факт смерти мужа, породили последний всплеск упрямства: Анна пошла прочь, отгоняя все здравые мысли. Она шла, будто толкала сама себя, но преодолела всего пару кварталов. Жить хотелось сильнее, нежели следовать неким принципам, слабеющим с каждой минутой. Подавленная, вытирая слезы, она вернулась и долго смотрела на спящего незнакомца (убийцу мужа?). Анна несколько раз порывалась его разбудить и отойти, чтобы он не мог схватить ее, если у него были такие планы. Принять, что он так же нуждается в ней, как и она в нем, что причинение

вреда Анне для него равносильно причинение вреда самому себе, принять это было тяжело.

Анна так и не прикоснулась к незнакомцу, хотя примирилась с мыслью, что это — неизбежно, как восход солнца. Она решила, что сделает это в самый последний момент, когда терпеть станет невозможно. Анна не тешила себя надеждой, что ее ситуация изменится — она может поменять этого незнакомца на другого и только. Но что-то не пускало ее совершить то, что подсказывал ей здравый смысл, и чему единственной альтернативой была бы смерть.

К началу следующего дня сон одурманил ее, но Анна все еще сопротивлялась. Теперь ее упрямство было направлено в другую сторону — оттянуть неизбежное как можно дольше, а не бороться с ним. Чтобы не заснуть, она ходила вокруг спящего, несколько раз заглядывала внутрь здания, которое отыскал Виктор. Так она отвлекалась, отвоевывая у сна очередные несколько минут.

Внезапно ей послышался какой-то звук. Снаружи. Она выглянула в окно и заметила пару — мужчину и женщину. Эффект был такой, что Анна хотела закричать, но не смогла, так ее переполнили эмоции. Она рванула наружу.

Пара наверняка не нуждалась в ней, как нуждался бы одинокий человек, но Анна этого не

осознавала. Для нее пара была желанней, чем еще один незнакомец, пусть даже он не имел бы отношения к смерти Виктора. Пара казалась Анне гарантией жизни, гарантией того, что ее не обидят, защитят, а то, что ее могут просто использовать по своему усмотрению, как не использовал бы одиночка, в голову ей не пришло.

Выбежав, Анна едва не споткнулась. Она расставила руки, неловко, как ребенок, лицо ее растянулось в улыбке сумасшедшего.

— Спасите меня! У меня мужа убили... я одна.

Женщина, напуганная ее резким появлением, стояла позади мужчины, а тот держал поднятым топор с длинной рукоятью. Оба молчали и следили за каждым движением Анны.

— Не оставляйте меня... с ним.

Она указала на спящего, и мужчина с женщиной заметили его.

— Он сказал, что не убивал, что моего Витю убили другие... Но вокруг никого не было... И мне страшно... Не бросайте меня... возьмите с собой.

Анна споткнулась, повалилась вперед, попыталась встать, но сил не осталось — последняя энергия уходила на то, чтобы внятно говорить. Она встала на четвереньки, поползла, задрав голову, глядя на мужчину с топором, на женщину.

Она выглядела жалкой, никчемной, но не

отталкивающей. Если бы не мутнеющее сознание, Анна заметила бы в глазах женщины сострадание. Она бы заметила, что мужчина с топором растерян. Это придало бы ей сил.

Но Анна этого не видела — сон все-таки одолел ее, и она завалилась на тротуаре.

Тишину улицы нарушало дыхание двух спящих людей. Иван и Ева переглянулись, но какое-то время еще стояли, разглядывая брюнетку и мужчину с курчавыми рыжеватыми волосами. Иван не знал, как быть. Он чувствовал, что и Ева в тупике: на этот раз спорить с ней не придется, у нее просто нет собственного мнения. Этого они не ожидали, а раньше не заговаривали о том, как быть в таких вот ситуациях.

Если они уйдут, спящие погибнут. Взять с собой? И к чему это приведет? Третий человек, возможно, мог быть полезен, во всяком случае, в ближайшем будущем они с Евой могли бы подыскать ему пару, но выбрать одну женщину казалось каким-то половинчатым кощунством. Брать с собой обоих, это — группа. Какие у них сложатся отношения? Кто будет принимать окончательные решения? А если именно рыжеволосый убил мужа брюнетки? Прояснить что-то можно, лишь разбудив обоих. И все равно: что Иван и Ева узнают? Это не расследование в

Прежней Жизни, свидетелей нет и не будет, как и детектора лжи, как и возможности найти, изучить улики.

Ева посмотрела на Ивана.

— Что делать?

Он покачал головой.

— Черт его знает... Пройти мимо... Как-то не по себе от этого.

— Они погибнут.

— И я о том же.

Прежде встреченные в пути оказывались либо шатунами, либо представляли опасность, пусть даже лишь по причине того, что сами ожидали от встречных агрессии. Брюнетка просила помощи, умоляла их, и такое случилось с Иваном и Евой впервые. Несмотря на свой жалкий, потрепанный вид, она выглядела миловидной, неагрессивной, она не дошла до стадии шатуна и не представляла никакой опасности.

Ева подошла к брюнетке.

— Мы не можем их бросить.

— Лучше всего попозже их разбудить... и отправить вместе. Сделаем доброе дело, разойдемся красиво. Как тебе?

Ева кивнула.

— Но им ведь надо поспать?

— Конечно. Больше сна — меньше проблем.

— Затянем их в дом.

Брюнетку перенесли легко. С рыжеволосым помучились: грузный. Иван не позволил Еве напрягаться, потащил мужчину сам, Ева только помогла преодолеть порог. Они положили брюнетку и рыжеволосого в разных концах помещения, какое-то время стояли и рассматривали их. Иван и Ева успели отвыкнуть от людей, и теперь, вблизи, незнакомцы вызывали у них непонятные, смешанные чувства.

— Иван, если он действительно убил ее мужа?

Иван пожал плечами. Могло быть, как угодно.

— Выясним, когда разбудим их. Кто-то должен поспать. Давай это буду я.

— Давай.

— Только два часа. Тебе нельзя перенапрягаться.

— За два часа не перенапрягусь. Ложись.

— Буди, если что.

— Ложись, ложись. Спокойного сна.

4

В оконные проемы их пристанища дышала ночь. Выходила луна, тьма слабела.

В карманах рыжеволосого ничего особенного не было. У него даже сумки или котомки не оказалось. У брюнетки нашелся рюкзак, все-таки она странствовала в паре с мужчиной.

Версия про убийство показалась Ивану правдоподобной. Рыжеволосый — кандидат в шатуны. Увидев пару, он мог позариться на этот шанс — заменить мужчину брюнетки. Но лучше этим голову не забивать. Для них с Евой это не столь важно. Разбудив их, Иван будет осторожен, вместе они проведут минимум времени. Здравствуйте, вставайте, спасибо, не надо благодарностей, а теперь не в обиду — аста ла виста, ребятки. И все.

Куда важнее не наделать ошибок, не столкнуться с собаками, спокойно покинуть город. Но идти на разведку — и оставить свой запах там, где сейчас его нет — риск привести собак к пристанищу. Плюс уговор с Евой, что Иван бодрствует от силы три часа, после чего — выспится.

Нужно было занять время, луна заглянула в оконные проемы, и он испытал импульс. Иван достал из вещмешка твердые краски, выбрал левую от окна стену (она освещалась лучше всего), подошел. Какое-то время он смотрел перед собой, будто сомневался, не зря ли все это затеял. Последний такой порыв был месяца два назад, Иван подумывал, что больше писать картины на стенах ему не захочется. Он ошибся — захотелось.

В Прежней Жизни он только начинал и был настроен зарабатывать картинами, пусть не

громадные деньги, хотя бы такие, чтобы назвать себя профессионалом. Сейчас он не помнил, к какому направлению и стилю относил собственные работы, к какому их относили всяческие специалисты или коллеги. Не считая того, что теперь он не мог использовать холст, бумагу или дерево, писание картин было неким ирреальным выбросом. Теперь не имело смысла что-то продумывать, предугадывать, что скажут критики, просчитывать воздействие на зрителя, беспокоиться, как быстро творение будет продано, если продано вообще.

И самое главное — теперь не имело смысла доказывать что-то самому себе! Не секрет, что ни критики, ни зрители, ни кто бы то ни было не имеет такого влияния на творца, как он сам. Нечто внутри требует, требует, требует. Если даже человек убеждает себя, что ему-то ничего не надо, просто есть семья, просто надо доказать, чего-то в этой жизни по-настоящему добиться. И чтобы не было в жизни Ивана сейчас, после Апокалипсиса, один заметный плюс имелся: он брался за картину лишь потому, что не мог не дать жизнь очередному творению. Быть может, и в Прежней Жизни было нечто похожее, но сейчас все его действия были напрочь лишены наслоений и условностей. Его даже не интересовало мнение Евы, его женщины, его единственного друга, единственного

потенциального зрителя. Впрочем, Ивану было достаточно ее поцелуя, когда она видела картину, и то, что она подолгу любовалась ею. А слова... слова казались лишними — Ева ничего и не говорила.

Разнообразие красок у Ивана было скромным, не было даже всех цветов радуги, с другой стороны теперешний мир сам обходился без множества красок, показывать нечто слишком разнообразно и ярко показалось бы фальшью.

Иван начал будто с опаской, но постепенно так погрузился в работу, что вряд ли осознавал, что делает. При этом любой шорох снаружи не остался бы незамеченным, но анализ собственного труда становился недоступен. Его несло по течению, он отдавался ему все больше и больше, все, как и раньше.

Перед взором встало одно из лиц Прежней Жизни. Имя этого человека стерлось у Ивана из памяти, он лишь помнил, что это — школьный учитель рисования. Однажды учитель сказал незначительную фразу, которая в тот момент была непонятной, но сейчас всплыла в мозгу Ивана — по-видимому, лежала там подобно зернышку, пережидающему зиму, чтобы в нужный момент, уготованный Создателем, дать росток. Человек будет творить даже в самых немыслимых для жизни условиях, жизнь человеческая переплетена с

творчеством так же, как с потребностью спать, есть и пить.

Вряд ли этот учитель рисования был пророком, но в отношении творчества не ошибся. Иван стал тому подтверждением. Жажда писать была подобна обычной жажде, и не утолить ее означало умереть.

Когда Иван закончил, он был выпотрошен так, что догадался: еще немного — и он не разбудит Еву. С усилием он отвел взгляд от стены, чтобы не отвлечься на оценку собственного творения, не потерять драгоценные минуты. Слабея, он разбудил Еву, глянул на часы — его вахта продлилась чуть больше двух часов.

— Прости, милая, больше не могу... не дотянул.

Она поцеловала его, не сказав ни слова.

Иван сидел на полу и созерцал на стене картину.

Когда Ева разбудила его, чтобы смениться, она ничего не сказала, только задержала взгляд на муже дольше обычного, поцеловала его, и этот поцелуй тоже был долгим. Иван догадался, что она восхищена его новым творением.

Рассвело, нужно было выглянуть из здания, присмотреться, прислушаться, но Иван медлил — его внимание приковала картина, жутковатая и

величественная одновременно. Ему ничто не мешало: снаружи — тишина, никаких признаков собак, жена, брюнетка и рыжеволосый спят. Впереди — длинный день.

Фон картины был мрачным: главенствовали черный, темно-серый и темно-синий цвета. И на дальнем плане — зловеще-багровый. Основу занимало изображение какого-то участка или поля, где вперемешку лежал мусор, хлам, обломки какого-то строения, трупы, части тел человека и животных, сломанные кресты. Некоторые предметы не поддавались интерпретации. Все это усеивало изображаемое пространство на всю ширину, и лишь где-то на периферии багровели отсветы то ли пламени, то ли пожара. Там мог гореть город, извергаться вулкан или вообще полахать весь мир. Это художник оставил на усмотрение зрителя. Однако все эти отголоски и следы то ли конца света, то ли небывало жуткой, но все-таки локальной катастрофы бросались в глаза не сразу. Сперва внимание приковывала центральная часть картины.

Красный, четко выписанный цветок, напоминающий тюльпан. Он не занимал много места, но эффект был сродни огоньку в полумраке — лишь он приковывает взор, кроме огонька и нет ничего. Сказать, что цветок красивый, было все равно, что ничего не сказать. Он был прекрасен.

Возможно, это впечатление усиливал жуткий фон, где рядом со стеблем виднелись пальцы отчлененной от тела руки, затылок то ли отрубленной головы, то ли заваленного землей трупа. Разрушение, смерть, обломки, трупы — все это порождало нить сравнения, а ведь человеческому сознанию неуютно в иных координатах. Именно небольшой объем цветка на картине еще больше усиливал контраст. Займи красные лепестки большую часть картины, и она бы что-то потеряла.

Вариантов понимания было множество. Цветок мог вырасти из хаоса смерти и разрушения — трупы и обломки, как удобрение или катализатор для столь красочного создания. В этом случае напрашивалась идея, что Жизнь нельзя уничтожить даже Всемирной Катастрофой. Цветок мог остаться последним, что пощадила или не одолела смерть и бойня. В этом случае возникала мысль, что самое чистое и прекрасное становится наиболее устойчивым против тлена. Цветок мог стать символом Возрождения, и тогда тот, кто не особо стесняется в своем философствовании, без труда мог прийти к мысли, что после Апокалипсиса, уничтожившего все бренное, унылое, посредственное, новую жизнь начнут воистину божественной красоты существа и растения. Правда, этот вариант умалчивал насчет людей —

присоединятся они к Тюльпану и Компании или путь в новую эру им заказан?

Иван попытался отстраниться, понять, какие ассоциации картина вызывает у него. Его не смущало, что написал картину он и теперь пытается ее интерпретировать. Как сказал один его знакомый писатель из Прежней Жизни, такой же начинающий, как Иван — художник, он стремится стать первым читателем собственных книг, а не писателем. Нечто должно водить твоей рукой, а разум, эта заноза в Божественном существовании, отдыхать или, по крайней мере, не мешаться под ногами, извините, руками.

Иван никуда не спешил, прошло время, но он так и не смог выразить словами то, что видел. Все обозначения, четкие словесные определения казались ненастоящими, искусственными, и он вспомнил свое собственное мнение: истинная картина лишь теряет, если ее втиснуть в узкие рамки логических объяснений. Лучше полагаться на ощущения, но и с ними нужно осторожней.

Глядя на цветок, Ивану было тепло. Это напоминало, когда в холодную ветреную погоду находишь тихое место, где горит огонек. Тело замерзло, и огонек, тепло от которого вроде бы не может охватить сразу и спину, и грудь, и ноги, кажется обволакивающим тебя одеялом или комнатой с прогретым воздухом, где сквозь

большие окна видна промозглая серость окружающей действительности, но ее вид лишь усугубляет эффект тепла, порождает долгожданное успокоение, примиряет с тем, что в мире существуют не только приятные вещи и явления, вызывает странное умиротворенное равновесие в душе.

Иван ненадолго сосредоточился на отдельных деталях картины: отрубленная кисть руки, голова трупа, доска, торчащая из земли, которая испачкана то ли кровью, то ли какими-то выделениями умирающего человека. Детали, так же мастерски прописанные, не отталкивали, не вызывали рвотного рефлекса, казалось, красота цветка в глазах человека примиряла его с тем, что есть не только Прекрасное.

Вернувшись к действительности, Иван понял, что времени на разведку осталось немного. На пороге Иван прислушался к городу. Ничего, что наводило бы мысли о стае собак, он не обнаружил. Все казалось обычным: тишина, отсутствие людей, полуразрушенные здания. Застывший мир не страдал комплексом однообразия.

Побродив по кварталу, Иван вернулся назад, перекусил, разбудил Еву. Она улыбнулась мужу, села и какое-то время смотрела на картину. Иван не хотел прерывать ее, а без договоренности лечь спать не решился.

Почувствовав его нетерпение, Ева посмотрела на него.

— Потрясно. Я горжусь, что это сделал мой муж.

Иван улыбнулся, но не нашел, что сказать. Банальное «спасибо» показалось непозволительным.

— Жаль, что картину нельзя взять с собой.

— Я могу выломать часть стены, но вдруг мы сюда еще вернемся? Будет сквозняк.

Она засмеялась.

— Вставишь на место, — она помедлила. — Когда мы разбудим их?

— Давай я посплю. Потом ляжешь ты. А еще лучше разбудить их завтра утром.

Ева напряглась.

— Ты что-нибудь слышал?

— Нет. Но лучше рискнуть и обождать здесь, чем покидать город, пока не уверены, что собаки ушли.

— Хорошо. Тогда ложись.

Они уединились: Иван был с ней нежен, они долго не могли намиловаться, никто не желал спать, лишь далеко за полночь Ева задремала. Иван смотрел на нее, снова ощущая эту противоречивую смесь — блаженство, счастье и обжигающую, щемящую тоску. Когда пришло время смениться,

он не сразу заставил себя поднять жену.

Наступило утро, и они разбудили брюнетку. Она моргала, не соображая, что с ней, где находится. В глазах мелькнул испуг, но вид Евы и ее мужа успокоил женщину. Она представилась, они с ней познакомились.

Иван улыбнулся ей.

— Ну что, Анна? Выспалась?

Она кивнула.

— Я так... вам благодарна... что вы меня не бросили.

Она покосилась на спящего. У нее на лице отразились противоречивые чувства. Иван понимал, что перед тем, как разбудить рыжеволосого, надо поговорить с Анной.

Ева спросила:

— Ты видела этого мужчину раньше?

Анна покачала головой.

— Но ты не уверена, что это... что из-за него погиб твой муж?

— Не знаю... Не уверена. Но рядом... никого не было.

Иван и Ева переглянулись. Вчера они договорились, что не допустят ненужных сантиментов, будут стоять на своем. Если предположить, что именно рыжеволосый сделал Анну вдовой, по сути, это ничего не меняет. Она ему нужна так же, как и он ей. Добро пожаловать в

новый мир!

— Анна, — сказал Иван. — Чтобы выжить, нужно забыть о прошлом. Понимаешь, о чем я? Тебе нужен партнер, неважно мужчина или женщина. Хотя лучше мужчина.

— Можно мне пойти с вами?

Иван отвел взгляд — сделал вид, что отвлекся на рыжеволосого. Казалось, Анна сейчас не сдержит слезы, и Ева сжала ее руку.

— Тебе нужна пара, — сказала она. — Мы бы все равно искали тебе человека. И кто знает, кого бы нашли. А так нам повезло — человек есть.

Анна отодвинулась, словно рыжеволосый встал и пошел к ней.

— Нет, нет, только не он.

— Почему?

— Он тебя не устраивает? — спросил Иван. — У нас нет выбора. Может быть, во всем городе мы не найдем нормального одиночку. Либо это будет шатун, а с ними опасно связываться. Либо мы встретим пару, но вряд ли они станут нас слушать. Ты даже не представляешь, как тебе повезло.

Анна опустила голову, она сдерживалась, чтобы не разрыдаться.

— Мне страшно... Возьмите меня с собой.

Иван помедлил.

— Какое-то время мы будем идти все четверо. И ты познакомишься с этим человеком поближе. Но

быть вместе все время мы не сможем.

— Почему?

Иван замялся. Действительно, почему? Однозначного ответа не было. Быть может всякое. Многое зависит от людей. Нельзя утверждать, что группа даже из десяти человек обязательно закончит совместное сосуществование трагично и распадется. Нельзя.

Иван почувствовал, как Ева коснулась его локтя, он встретился с ней взглядом. Она чуть заметно кивнула. Иван не был уверен, что правильно ее понял, но возможности выйти, пошептаться не было — это усилит проблему с Анной. Они теряли время, беседа все больше напоминала уговоры ребенка, в теперешнем положении это просто смешно.

— Анна, всякое случается. Может, мы будем вместе, а может, нет. Никто не знает. Но тебе нужно настроиться, что в случае каких-то проблем мы разобьемся на пары.

Ева снова сжала Анне руку.

— Не бойся. Мы живы, это главное. Этот мужчина может стать для тебя подходящим. Не бойся, мы же рядом. Мы ведь не бросили тебя.

Иван спросил:

— Давай разбудим его? Согласна?

Анна нехотя кивнула.

Рыжеволосый в отличие от Анны быстро пришел в себя — сел, огляделся, широко улыбаясь.

— Ого, нас четверо? Благодарствую, я уж и не мечтал остаться в живых. Даже не верится, черт подери.

Он размял руки, помассировал ноги, продолжая улыбаться, задержал взгляд на Анне. Та поежилась, отвернулась.

— Меня зовут Грэг. А вас?

Все по очереди представились. Анна сказала свое имя так тихо, что Грэг переспросил, и за Анну ответила Ева.

— Анна? — Грэг заулыбался шире. — Мое любимое женское имя. Хотите верьте, а хотите проверьте.

Он хихикнул, его жизнерадостность произвольно вынудила улыбнуться остальных.

Несмотря на это, Иван внимательно наблюдал за Грэгом. Он следил за ним, анализировал его жесты, слова, пока они ели, пока Грэг рассказывал, откуда он, что с ним было в Прежней Жизни, что он пережил уже после Всемирной Катастрофы. Не то, чтобы Иван рассчитывал, что по каким-то жестам или несоответствиям уличит Грэга во лжи. Даже если Грэг — убийца, Иван и Ева отправят Анну вместе с ним. Теперь между понятиями лжи и правды не было такой разницы, как в Прежней Жизни. Иван просто изучал человека, с которым,

судя по всему, какое-то время придется идти вместе. Хотя бы до той поры, пока Анна не привыкнет к Грэгу, пока у нее не поблекнет образ погибшего мужа. Это время придет, придет, сомнений нет. Человеческая память слаба, так слаба, что в этом мире уже не осталось ничего более хлипкого и податливого, нежели память человека.

Когда-то Иван удивлялся, почему человек, повзрослев, не помнит ничего, что было с ним до трех- пятилетнего возраста? Становясь старше, Иван убедился, что детство здесь ни при чем — нередко взрослый не может вспомнить, что делал в определенный день в прошлом году. Конечно, на события, оставляющие след, необходимо больше времени, чтобы они поблекли и стерлись, но что такое десяток-другой лет по сравнению с Вечностью?

Грэг почти не лукавил, рассказывая о себе. Он признался, что бросил своего последнего партнера по несчастью, когда тот сломал ногу. Грэг понимал: его откровенность будет в плюс, никто не сможет в чем-то его обвинить — наверняка каждый поступил бы точно так же, в противном случае оказался бы обречен на пару с несчастным. Единственный опущенный момент — слезка за Анной, ее мужем и удары ему по голове. Об этом можно было сказать — тактично умолчал.

После полудня Ева незаметно предложила Ивану выйти на разведку с Грэгом, а ей остаться с Анной. К этому моменту Анна расслабилась, но небольшой перерыв в общении с Грэгом мог пойти ей на пользу. Выяснить, считает ли она Грэга убийцей своего мужа, не представлялась возможным, пока он не спит, да в этом и не было срочной нужды: Анна стала спокойней.

Грэг согласился на вылазку.

— Сам хотел предложить. В городе были собаки, — он глянул на Анну. — Не возражаешь, я тебя ненадолго оставлю?

Анна не возражала. На пороге Грэг улыбнулся ей, как будто между ними уже были какие-то отношения.

Иван и Грэг не спеша проверили близлежащие кварталы. Грэг выглядел бодрым, довольным. Неудивительно, подумал Иван — после того, что ему светило, в последний момент найти нормальных людей, которые к тому же позволили ему выспаться.

Когда Грэг спросил, что его партнер ищет на земле, Иван понял, что веселая безалаберность Грэга отчасти напускная. Грэг тоже следил за ним, раз заметил, что Иван ищет следы. Наверняка Грэг задавался вопросом, что ждет его впереди, куда они пойдут, как сложатся отношения с Анной. Его шутки, улыбки оказались всего-навсего защитой,

единственной формой, какую он мог себе позволить. Иван не колебался и рассказал про знаки.

Странно, но веселость Грэга ушла, он притих.

— Хрень какая-то. Я нигде ничего такого не видел.

Они повернули назад, к своему пристанищу, где их ждали женщины. По пути Грэга привлек дом, который когда-то был магазином.

— Я быстро, — сказал.

Иван помедлил, двинулся следом. Не то, чтобы возникла необходимость контролировать Грэга, но пока Иван не хотел оставлять его без внимания.

Грэг копался в разном хламе, заполнявшим пространство за прилавком. Иван быстро осмотрелся. По его мнению, здесь не было ничего стоящего. Грэг повернулся, усмехаясь, в руке он что-то держал. Искусственный цветок, гвоздика.

— То, что надо, — заявил он.

Вернувшись назад, Грэг вручил цветок Анне. Та, поколебавшись, взяла его. И улыбнулась. Иван, встретившись взглядом с Евой, догадался, что жена расслабилась: теперь она не сомневалась, что новая пара состоялась, и отправить их в самостоятельное путешествие можно в любой момент.

Они поужинали, вскоре стемнело. Пришло время спать. Грэг вызвался бодрствовать первым.

— Я же последний спал, так? — он улыбался, глядя на Анну. — Значит, дежурить первому мне.

Иван заметил, как нахмурилась Ева. Этот вопрос они с ней не обговорили — детская оплошность. Еве это предложение не понравилось. Они не могли доверить Грэгу свои жизни. Не сейчас.

Иван взял ситуацию в свои руки:

— Меняться будем мы с Евой. Вам надо поспать, и тебе, и Анне.

— Не бойсь, выспался я. А вы расслабьтесь.

Иван покачал головой.

— У нас все давно налажено. Не хочу сбиваться с ритма. Не хочешь спать — посиди со мной. После ляжешь. А лучше послушай совета. Ты был на грани. Неизвестно, что нас ждет впереди. Умнее воспользоваться возможностью, пока она есть.

Ева заметила, что Грэг заколебался, слова Ивана его не убедили, и она поддержала мужа:

— Грэг, мы с Иваном вместе с самого начала. И всегда были вдвоем. Мы уже привыкли. Нам только хуже будет, от этих лишних часов ночью.

— К хорошему быстро привыкаешь, — добавил Иван. — Когда расстанемся, а так, скорее всего и будет, это станет лишней занозой. Извини.

— Ну, как хотите. Мне все равно. Разбудите, если что.

Но он не лег. Женщины заснули, Иван сел у порога, рассматривая улицу. Он надеялся, что Грэг заснет до того, как Ивана сменит Ева, в противном случае надо предупредить ее, чтобы была осторожна.

Грэг встал, прошел к противоположной стене, где лежала Анна. Прежде чем улечься, он подошел к Ивану.

— Вздремну. Чего вдвоем сидеть? — он повернулся, чтобы уйти, но обратился снова. — Только не забудьте утром разбудить. Мало ли...

Он хихикнул, показывая, что это шутка, но Иван догадался: Грэг хотел контролировать ситуацию, как и сам Иван. Он нервничает и вовсе ни в чем не уверен. Однажды его спасли, но кто знает, что у этих людей на уме, разбудят ли его снова. Логика осталась в Прежней Жизни.

— Не забудем, — сказал Иван. — Спокойной ночи.

5

На восток они прошли считанные километры, железная дорога, вдоль которой они двинулись, пересеклась с крупной трассой, и там Иван увидел длинную стрелку. Кто-то выдолбил ее в полотне трассы, местами глубоко, местами не очень, с кривой «шляпкой». Она достигала в длину два

шага. И указывала на север.

Они остановились, разглядывая окрестности. Иван посмотрел на Еву, она почему-то отвела взгляд.

— Пойдем по трассе... Там и города будут, и вдоль железки идти не удобно.

Вот и ответ на вопрос Евы, сменят ли они направление движения, если найдут стрелку, которая указывает не на восток. Она молчала, Грэг тоже ничего не сказал. Похоже, он не заметил стрелки, его привлекло нечто другое. На следующем крупном перекрестке стало ясно, что именно.

В сотне метров у обочины стояли два автомобиля: темно-зеленый «Форд» и белая «Мазда». Едва уловимое движение первой заметила Анна. Она ахнула, вскинув руку, и остальные увидели высокого мужчину в тулупе. Он выскочил из-за деревьев на другой стороне трассы, пошел к двум машинам, и не сразу стало ясно, что это шатун. Лишь в нескольких шагах от «Форда» он пошатнулся, едва удержал равновесие, размахивая руками, будто хватался за что-то невидимое. Он замер, наклонив голову вперед, как боксер, готовый выдержать очередной удар и ринуться в атаку.

Ева схватила Ивана за руку.

— Там кто-то есть. В машине.

Все четверо без слов сместились под защиту

деревьев на своей стороне трассы, пошли вперед.

Тулуп подошел к «Форду», ударил рукой по капоту. Ему ответил девичий визг. Правая задняя дверца распахнулась, оттуда выскочила женщина среднего возраста, рыжеволосая, крупная, потянула за собой девушку лет пятнадцати. Пока Тулуп обходил «Форд», опираясь рукой о крышу салона и багажник, Рыжая с девушкой забрались в «Мазду».

— Он же поймает их, — сказала Ева — Почему не убежать в лес?

Четверка поравнялась с машинами, все остановились.

— Ребята, — пробормотала Анна. — Вы поможете им?

Тулуп стукнул кулаком по лобовому стеклу, разбил руку — брызнула кровь. Закричала девушка. Видно было, как Рыжая удерживает ее в салоне.

— Бегите же, — сказала Ева. — Он вас не догонит.

— Похоже, он преследовал их еще в лесу, — заметил Иван. — Он на пределе, но запас еще есть, а они устали.

Тулуп заревел, снова ударил по стеклу, смещаясь к задней дверце.

— Да помогите же им! — сказала Анна.

Грэг ухмыльнулся.

— Может, еще и погибнуть за них? С шатуном не так-то легко сладить.

Тулуп стукнул в стекло задней дверцы. Рыжая вцепилась в ручку дверцы изнутри.

Анна пихнула Грэга.

— Он же убьет их!

— Аннушка, всех не спасти. И что потом с ними делать? Взвалить на свои шеи?

— Да просто спасти их!

Иван, поддавшись импульсу, рванулся вперед.

— Не выходите. Я один.

Анна снова пихнула Грэга.

— Помоги ему!

Грэг сделал шаг-другой, остановился. Все происходило быстро. Иван закричал, отвлекая Тулупа. Тот вскинул голову, в глазах — ничего осмысленного, одно безумие.

— Эй! Ложись, поспи! — голос Ивана дрожал.

На бегу он подобрал пригоршню земли, остановился по другую сторону «Мазды» и, когда Тулуп взревел, огибая капот, чтобы добраться до новой жертвы, бросил ему землю в лицо. Тулуп заморгал, споткнулся и покатился с трассы на обочину. Рев его ослаб, он пытался встать, но тщетно. И все же гарантировать, что он больше не поднимется, Иван бы ни рискнул.

Он повернулся к женщине в машине.

— Выходите! Пока он не встал.

Рыжая удержала девушку в салоне, посмотрела на Грэга. Тот, ухмыляясь, вышел из-за

деревьев, развел руки в непонятном жесте — то ли «вот такие мы», то ли «ну и бардак тут у вас».

Рыжая суетливо вытянула что-то из рюкзака, вскинула руки с зажатым в них пистолетом. Девушка завизжала. Иван не поверил своим глазам, но повалился в сторону. Вовремя. Рыжая выстрелила. Пуля пробила лобовое стекло, и маленький осколок царапнул Ивану щеку. Грэг отпрянул под защиту деревьев, толкая Анну назад.

Иван перекатился подальше от трассы, привстал и, не разгибаясь, отбежал под защиту ближайшего дерева. Еще одна перебежка, и стало ясно, что опасность позади.

Ева поспешила к Ивану. Грэг схватил Анну, потянул за собой.

— А ты, дуреха, просишь: спасите их, спасите! Кого спасти? Самих чуть не угробили.

Анна, шокированная, молчала. Ева с разбегу обняла Ивана.

— Цел?

— Цел, не волнуйся...

Грэг хмыкнул.

— Следующий раз мы подумаем, когда Аннушка попросит спасти мир.

Он засмеялся, его никто не поддержал. Анна тихо спросила:

— Почему она... в шатуна не стреляла?

Иван обернулся.

— Кто его знает... Забыла с перепугу... Или патронов один-два было — берегла на крайний случай.

— Крайний случай?

— Она решила, что мы из банды. Что мы просто отбили ее с девочкой у шатуна.

— И что с ними теперь будет?

Ей никто не ответил. Никто просто не знал.

Автобус относился к разряду междугородних. Он выглядел целее машин, скопившихся возле нескольких полуразрушенных зданий, где на перекрестке трассы и второстепенного шоссе раньше располагались придорожное кафе, автомойка и туалет. Дорогу заполняли несколько перевернувшихся автомобилей и один громадный рефрижератор. Возможно, они перекрыли путь, может причина была в ином, но автобус казался брошенным. Пассажиры ушли, оставив тяжелые сумки, у кого они были, в проходе между сидений, взяв с собой лишь ценное и необходимое.

Великий Холод многих застал не только дома, на диване или во время перемещений по родному городу, но и в пути, этим людям пришлось еще хуже, в незнакомой местности. Если только понятие хуже уместно.

Грэг попросил обождать, а лучше составить ему компанию, пошел к автобусу. Это было его

чертой — осматривать места, где можно чем-то поживиться не только в отношении еды. Он говорил, что никогда не знаешь, где и что можно найти, и как это получится использовать в дальнейшем. Стоило признать — у него было какое-то чутье. На предыдущем перекрестке Грэг нашел пару небесполезных вещей: зажигалку (которая каким-то образом еще работала), две шерстяные женские шапки (подошли и Анне, и Еве), зеленого слоненка — точилку-игрушку (Анне вещица так понравилась, что она сутки не выпускала ее из рук, словно талисман), пачку вполне пригодных носков (они подошли и женщинам, и мужчинам). После этого у Ивана не хватало духу, требовать от Грэга идти рядом и никуда не лезть.

Грэг забрался в автобус через пустой проем, где раньше была дверь. За ним последовала Анна — она вела себя с Грэгом все уверенней, казалось, с тех пор, как они вместе, прошел не день-два, а месяцы. Вчера вечером Ева шепнула Ивану, что скоро Грэг и Анна станут удаляться перед сном в укромное место, на что Иван, улыбнувшись, пробормотал: они выросли, их можно выпускать из гнезда. Их пример хозяйственной семейной пары заразил Еву, она составила им компанию.

Иван посмотрел на небо, нахмурился. Близилась сумерки. Вряд ли путники достигнут

хотя бы мелкого городка. Иван задержал взгляд на кромке леса, между ним и зданием лежало широкое поле.

— Эй! — Иван заглянул в салон. — Давайте быстрее. Скоро ночь.

Грэг что-то негромко ответил. Хихикнула Анна.

Иван покосился на нее, увидел лишь спину. Считанные часы назад она была на грани истерики, ни в какую не желала идти с Грэгом, а сейчас напоминает девушку-подростка, которой удалось познакомиться с понравившимся парнем. Или ее так отпускает стресс?

— Смотрите! — голос Анны. — Вам понравится.

Грэг обернулся к ней.

— Ого. Хвалю. Пригодится. Ладно, топаем отсюда, тут один хлам. Выгребли все, что можно.

Они выбрались из автобуса. Иван увидел в руке Грэга бинокль, черный, небольших размеров.

— Смотри, — Грэг поднял руку с биноклем. — Теперь никакие собаки не страшны.

Иван не стал спорить, что бинокль, конечно, поможет, но это не панацея от собак: увидеть их раньше — не значит, скрыться. Мелькнула мысль, что нужно найти такой же бинокль, когда они расстанутся с Грэгом и Анной.

Грэг приложил бинокль к глазам, не спеша

повернулся вокруг своей оси, издал радостное восклицание, передал бинокль Анне, та уступила очередь Еве.

— Вещица, черт подери! — сказал Грэг. — Теперь таких не делают. Некому.

Он засмеялся, довольный своей шуткой. Иван покосился на него.

— К ночи мы еще будем идти. Предлагаю отправиться к лесу.

Грэг хмыкнул.

— А я предлагаю остаться здесь. Нам в лесу на деревьях что ли сидеть, если собаки явятся?

Иван выдержал небольшую паузу, чтобы говорить спокойно. Попытки править балом проявлялись у Грэга все настойчивей. Иван подозревал, что начини он нервничать, доказывая свою правоту, право руководить, Грэг осмелеет, а после и обнаглует.

— В зданиях удобней, чем в лесу, не спорю, но сюда стая зайвится гораздо быстрее. Если мы их увидим, бежать будет поздно. Нас тут закупорят. В лесу нет открытой местности, можно запутать следы.

Ева поддержала мужа:

— Да, Грэг. Ты предложил не самый удачный вариант. Идем к лесу.

Грэг улыбнулся, развел руками.

— Ладно. Хотите грибочков насобирать? Чем

бы дитяти ни тешилось, лишь бы не плакало.

Иван хотел осадить его, но решил оставить это до следующего раза.

Сквозь кроны деревьев мерцали звезды. Их число постепенно уменьшалось — небо затягивало тучами. Близился дождь. В верхушках сосен гулял, усиливаясь, ветер.

Они устроились в глубине леса, на берегу ручейка — прошли по нему метров сто для надежности, несмотря на бурчание Грэга. Иван остановился, понимая, что дальше пропускать мимо ушей высказывания Грэга нельзя, его опередила Ева:

— Грэг, ты устал? Я бы понесла тебя на руках, но мне это не под силу. Разные весовые категории, понимаешь? — она улыбнулась. — Тебе с нами не нравится? Мы никого силой не держим.

Как ни странно, Грэг поспешил разрядить обстановку.

— Да шучу я, неужели не ясно?

На этом недовольство закончилось. Вскоре они нашли удобную впадину, где до темноты подготовили плотный навес из ветвей типа крыши шалаша, куда все, кроме Ивана, и забрались.

Иван заметил, как поднялась Ева, шагнула к нему. Он был уверен, что она спит. Как оказалась, она выдержала паузу, дожидаясь, когда затихнет

Грэг — хотела поговорить с Иваном наедине.

Она обняла мужа, положила ему голову на плечо.

— Ложись первым. Неужели не устал?

Иван покачал головой:

— Давай, как обычно. Без экспериментов.

Она ничего не сказала, и это было согласием. Они помолчали. Иван подумал, что жена задремала, но она заговорила:

— Мне кажется, что в Препжней Жизни, ну, если бы ничего не случилось, мы с тобой были бы идеальной парой. Ни ругани, ни пререканий, ни недовольства. Все тихо, мирно, весело.

Иван вздохнул.

— Кто знает... У нас с тобой не было детей. Почти у всех проблемы начинались, когда появлялись дети. Так что без детей — не считается. Кстати, как там у тебя?

— Хорошо, — она погладила себя по животу. — Растет, я чувствую. Скоро будет заметно даже под широкой одеждой. Знаешь, вчера, пока вы с Грэгом отходили, я... похвасталась Анне. Она удивилась, но поверила сразу.

Ивану это не понравилось, но укорять Еву он не стал — все равно поздно.

— Кстати, о Грэге и Анне. Не пора ли нам пустить их в свободное плавание?

Ева ответила не сразу.

— Разве они нам мешают? Мне кажется, с ними... как-то надежней. Не так одиноко. И Анна... мы с ней могли бы стать подругами.

— Хочешь сказать, нам вообще не надо с ними разделяться?

— Не знаю... Там видно будет. Я понимаю, с Грэгом вы вряд ли станете друзьями...

— Дружба тут ни при чем. Дружба, это когда вокруг полно народа, а ты выбираешь кого-то, с кем общаешься чаще, с кем вы понимаете друг друга лучше остальных. Вокруг нас полно народа?

Ева улыбнулась.

— Не надо так буквально. А Грэга мы уговорим. Я помогу. Он не такой уж и противный. Просто еще не привык.

— Дело не в его характере. Каким бы он ни был... что толку, если я ему не доверяю? И ты, в общем, тоже. Даже не знаю, когда я соглашусь, чтобы он дежурил, пока мы спим. И будет ли такое вообще? — Иван помолчал. — Ему хорошо. Дрыхнет себе, ни за что не беспокоится, за него все решают, а он еще фыркает, если не согласен.

Ева обняла его.

— Чего ты завелся? Успокойся. Решай ты, я спорить не буду, — ее голос стал тихим. — Ты — мой муж, мой законный хозяин. Я готова тебе подчиняться. Накажи меня, если я плохо себя вела.

Иван почувствовал возбуждение, рука Евы

уже расстегивала ремень его штанов. Анна — подруга Евы? Это понятие почему-то приобрело вес. Иван понял, что ни в чем не уверен.

К новому городу они подошли к полудню. Их привело усеянное мелким мусором шоссе. Они покинули трассу, уходящую на северо-восток, и пошли на север, зная, что там их ждет город, хотя, не зная, насколько крупный. Дорожные указатели, как и прежде, не подсказали название города, один из щитов указывал, что до Москвы столько-то километров — разобрать цифры было нельзя. Часа через полтора они были на месте. Городок оказался небольшим, без высотных домов.

Грэг потребовал, чтобы они задержались тут на пару дней. Его робко поддержала Анна — она еще в лесу жаловалась, что подустала, и Ева обещала ей отдых, как только они достигнут ближайшего города.

Пока они искали подходяще здание, оказалось, что прошли почти весь город. Возвращаться не хотелось, они заняли первый попавшийся дом, полуразрушенный, но внутри нашлась почти целая комната, откуда просматривались все подступы и сам дом. Грэг не предложил нести караул, сразу растянулся на полу, подложив куртку под голову. Иван с неудовольствием поймал себя на мысли, что это его

задело, пусть он и не мог предложить иной вариант. К Грэгу присоединились женщины. Иван, взяв бинокль, задался вопросом, нельзя ли забраться на крышу.

После беглого осмотра он убедился, что без длинной лестницы забраться нереально. Можно использовать свой крюк с веревкой, но без помощника это опасно, много возни. Иван вышел из дома, осмотрелся. Напротив, через один дом, он заметил целую крышу. Это ни о чем не говорило, сам дом был едва живым — в стенах такие дыры, что можно сказать, их нет. Дом напоминал гриб с доживающей свой век ножкой.

Иван перешел улицу, убедился, что вокруг тихо, вошел в дом. Путь на чердак оказался доступен. Иван взобрался на крышу, сел, чтобы не свалиться, посмотрел в бинокль.

Город просматривался почти полностью. Виднелся кусок шоссе, которое привело их в этот город с юга. Две дороги вели из города в северо-восточном и восточном направлениях. Выделялись останки двух заводов — возможно, в Пржежней Жизни город рос и жил за счет этих предприятий. Иван подумал, не сходить ли туда на разведку, и улыбнулся, понимая, что мыслит отчасти, как Грэг. Какое-то время Иван рассматривал церковь — она выделялась в городе сильнее всего: белое на темном. Город выглядел

мертвым. Иван бы не удивился, что кроме них тут вообще нет ни одного человека. Он наблюдал, пока не пришло время будить Еву.

Он спустился, разбудил жену, поцеловал ее, тут же уснул. Когда его затрясла Ева, ему показалось, что прошли считанные минуты. Так и было. Ева не просто будила его, чтобы смениться, она тормозила его и была чем-то напугана.

Иван сел, глянул на жену. Она сказала всего одно слово:

— Шатун.

Иван прошел в соседнюю комнату, которую отсутствие стен превратило в открытую веранду, выглянул на улицу.

Бритоголовый шатун, мощный, со свирепым лицом человека, который не сдастся до конца, брел по улице, поглядывая, когда удавалось приподнять голову, на их временное пристанище. Сомнений не было — он учуял, что в доме кто-то есть, и у него еще оставались силы.

Ева сжала Ивану руку.

— Это не тот, — голос растерянный. — Это еще один.

Иван замер.

— Первый где? Прошел?

Ева не ответила — она не знала.

Бритоголовый остановился, и какой-то момент казалось, что он шлепнется и не встанет, но

он удержался. Он зарычал, опустив голову вперед, пошел к дому.

Иван попятился, толкая Еву назад, к комнате. Увидел доску, подхватил ее, уложил ее перед входом, единственным местом, посильным для шатуна в его состоянии, придавил парой булыжников, найденных здесь же. Был шанс, что шатун споткнется и не встанет. Иван выглянул, рассматривая подступы к крыльцу, и увидел еще одного шатуна — именно его первым заметила Ева.

Мужчина средних лет, худой, не такой опасный с виду, хотя Иван знал, что у шатунов на конечной стадии сила не соответствует их внешнему виду, в них будто дьявол вселяется. Вот на кого смотрел Бритоголовый. Появился шанс, что они отвлекут друг друга, но это Ивана не успокоило — действия шатунов непредсказуемы.

Он обернулся к Еве:

— Буди их!

В дом, держась за дверной косяк, вошел Худой. Невероятно, но он не задел, казалось бы, неодолимую для себя преграду. Ивана он не заметил — его беспокоил противник за спиной. Худой оперся о стену, на большее его не хватало — он держался, чтобы не сползти на пол.

Иван поднял топор. Он понял: опасен Бритоголовый, Худой почти на нуле. Будь Худой один, он бы лежал с закрытыми глазами,

погружаясь в сон, из которого не суждено всплыть. Но страх — великое горючее, и Худой напоследок заправился. Снаружи взревел Бритоголовый, под его ногами с шорохом откатывались мелкие камешки.

Шатуны оставались для Ивана загадкой. Казалось бы, человек на пределе — идет по инерции, на автомате, одно движение в сторону, и он упадет. Физические силы иссякли, потому он и превратился в шатуна, он уже практически без сознания. Но стоит увидеть нормального человека или другого шатуна, как из некоей пустоты появляется дополнительная энергия. Шатун по-прежнему ничего не осознает, но некий инстинкт толкает его на штурм последней возможности выжить, а выжить в его ситуации можно лишь с помощью постороннего. Шатун потому и становится шатуном, что бредет в поисках того, кто сможет его разбудить. Однако шатун не стремится заключить постороннего в объятия, улыбнуться, нет, им управляет агрессия, и он способен сделать то, что ему лишь повредит — уничтожить последнюю надежду. Абсурд, но дополнительную энергию порождает злоба, страх и ненависть, а не благие намерения.

Бритоголовый споткнулся о доску, упал, но остался на четвереньках — голова задрана, на подбородке пена, глаза безумные. Он пополз к

Худому, а тот, даже заметив противника, не смог сделать ни шагу.

В дверном проеме показалась Ева. За ней виднелась застывшая Анна. Грэг, бурча, садился, протирая глаза.

Бритоголовый привстал, вонзился головой в пах Худому. Тот глухо крикнул, сполз по стене на пол. Иван замер — сейчас нужно проявить терпение, не шевелиться, и Бритоголовый истратит остатки энергии на Худого. Не вышло. Из соседней комнаты слышался голос Грэга:

— Да что там такое?

Этого оказалось достаточно — Бритоголовый заметил Ивана, через секунду-другую Еву. Опираясь о замирающего Худого, Бритоголовый встал! Иван подумал рвануть к выходу, но поблизости оставалась Ева, шатун мог выбрать и ее. Иван попятился, держа топор перед собой, закрывая жену.

— Спокойно, спокойно... Ложись, поспи, — он говорил медленно, тихо, надеясь, что голос звучит убаюкивающее. — Мы разбудим тебя, обещаю. Тебе нужно поспать.

Бритоголовый взревел, подался к Ивану, быстрее, чем можно было ожидать. Иван, пригнувшись, шагнул вправо, как будто уходя от удара.

— Бегите! — крикнул он. — В окно!

Грэг растерялся, заметавшись по комнате. Ева толкнула Анну к окну — единственному выходу, кроме дверного проема, и та неожиданно споткнулась, упала.

Бритоголовый повернулся к женщинам. Иван колебался всего секунду. Он мог подставить Бритоголовому подножку, обхватить его за корпус и ударить о стену, просто повалить на пол, ударить ногой, не ввязываясь в борцовский контакт, но Иван знал: шатун на пределе обладает ирреальной силой, и, если Бритоголовый схватит его, за исход ручаться нельзя.

Иван сделал то, что давало гарантии: дважды ударил шатуна топором по шее. Это было убийство, но выбора не осталось: ни уйти, ни отбиться без ущерба для себя.

Шатун рухнул, заливая кровью пол.

6

Иван поцеловал спящую Еву, глянул на Грэга и Анну, вышел наружу. Он решил забраться на крышу и снова осмотреться. Через пару часов, когда придет время будить всех, они позавтракают и отправятся в путь.

Вчерашний день с его драматическим эпизодом закончился спокойно. Иван пару часов чувствовал противную дрожь, но это прошло. Двух

ударов по шатуну хватило, чтобы все забрызгались кровью. Пришлось искать воду, отмываться, менять пристанище — даже убрав тело Бритоголового, никому не улыбалось ночевать в залитой кровью комнате. Они перебрались в соседний дом, неудобный, но после шатуна это казалось мелочью. Бродить по району никто не стремился.

Позже, ближе к вечеру, и Ева, и Иван замечали нескольких шатунов, но те проходили мимо, и тот, кто дежурил, не будил остальных. Теперь даже Грэг не говорил о том, чтобы остаться в этом городе на пару дней. В сумерках он вызвался поискать поблизости еду, с ним пошла Анна. Иван не стал их удерживать. В глубине души он рассчитывал, что парочка просто ушла, не прощаясь. Они вернулись, правда, ни с чем. Иван хотел сказать Грэгу о том, как тот себя вел при появлении шатуна, но не решился. Скоро они расстанутся, неважно, подруга Анна Еве или нет.

Когда Грэг и Анна легли, Иван заговорил об этом с Евой. Он ожидал, что она не согласится, скажет что-то в защиту того, чтобы Анна оставалась рядом, но Ева зашла с другой стороны:

— Давай завтра решим. Поздновато для таких разговоров.

Он не смог возразить.

Иван взобрался на крышу, приложил бинокль к глазам, осмотрелся. Когда они с Евой останутся

вдвоем, этой вещицы им будет не хватать. И как Иван раньше не подумал о бинокле?

Шатунов видно не было. Иван еще раз сосредоточился на восточной окраине — там, где они покинут город. Внимание что-то привлекло — камни с неровными краями, небольшая кучка. Они были не просто разбросаны, кто-то сложил их в виде какой-то формы.

Иван убрал от лица бинокль. Снова приложил, присмотрелся.

Так и есть. Камни сложены.

Он поспешил вниз, убедился, что на улице тихо, никого нет, быстро пошел в нужном направлении. В голове возник сумбур. Он не забывал знаки мелом, но они почему-то медленно отступали на второй план. Неужели опять?

Недалеко от камней Иван остановился, разглядывая подступы к улице. До окраины близко, вокруг даже не руины, а жалкие остатки некогда жилых деревянных домов. Он медлил, как будто не хотел увидеть то, что увидит, хотя понимал, что не ошибся.

Он шагнул вперед, опустил взгляд на землю.

На обочине дороги из камней сложили стрелку в метр длиной. Неровная, из камней разного объема, но сомнений не было — стрелка указывала в северо-восточном направлении. Иван закрыл глаза, медленно глотнул воздуха, выдохнул.

Он испытал странное желание разбросать камни ногой, убеждая себя, что здесь нет никакого знака. Он занес ногу, потрогал носком ботинка самый крупный камень. И вспомнил кое-что, увиденное, когда они входили в этот город.

Иван поспешил обратно. Утро набирало силу, приближалось время поднимать всех. Иван решил разбудить хотя бы Еву — он собирался оставить их одних чуть дольше и рисковать не хотелось. Путь к южной окраине займет время, а то, что он не заметил шатунов, не доказывало их отсутствия. Кроме того, кто-то ведь оставил эти знаки, а каковы его намерения, опасен он или нет, неизвестно.

Ева проснулась быстро — выпалась.

— Мне надо пройтись, постараюсь быстро. Их пока не буди, жди меня.

— Что-то случилось?

Он замялся, не рассказать ли после?

— Я нашел знак. Из камней. Его выложили, не нарисовали. После обговорим.

Ева не задерживала его расспросами.

Иван не сразу нашел место, где они вчера вошли в город. Он обошел пару лишних кварталов, заодно убедился, что знаков больше нет. Он подошел к разбросанным камням, которые вчера не привлекли его внимания. Мельче, чем на восточной окраине, не так бросаются в глаза из-за обломков и мусора. Они лежали между разрушенным полотном

дороги и сохранившимся кирпичным забором одного из частных домов Прежней Жизни.

Иван смотрел под ноги, потому и заметил камни, но знаки он искал другие и, оставив камни без внимания, вспомнил о них случайно, увидев знак в противоположном конце города.

Сказать с уверенностью что-то определенное было нельзя. Казалось, камни разбросали ногой после того, как сложили в линию, может и в стрелку (сказать, куда она указывает было нереально), но точно так же стрелку могли не доделать. Если вообще можно говорить, что кто-то что-то не доделал или поломал. Камни могли лежать так благодаря стечению обстоятельств. Однако поблизости камней вообще не было.

Иван присел, взял один камень, взвесил его в руке, разглядывая, словно это могло навести на какой-то след. Холодный после ночи, шершавый, мокрый от росы, камень ни о чем не поведал.

Опустив его на землю, Иван подошел к дому, где можно было легко взобраться на крышу веранды, помедлил, взобрался на нее, выпрямился во весь рост. Бросив взгляд на камни, посмотрел в бинокль. Сначала он исследовал землю, которая была в поле зрения, а перед тем, как слезть, глянул вдаль — на ленту шоссе у леса.

По шоссе кто-то двигался. Иван напрягся, до боли вжимая бинокль в лицо.

Собака.

За ней появилась еще одна. Иван застыл, не в силах пошевелиться. Несколько секунд он уговаривал себя, что видит парочку отбившихся мелких псов, такое тоже бывает, ничего страшного.

Из-за пригорка ленивой лентой вытекла громадная стая. Беззвучная из-за расстояния, из маленьких вертлявых фигурок, стая медленно, но неумолимо сокращала расстояние, направляясь к городу. Многие из собак низко держали морды — они шли по следу, сомнений не было.

Иван едва не сорвался с крыши веранды, заставил себя спокойно слезть на землю, побежал.

Иван ворвался в убежище.

— Буди их, Ева!

Она ничего не спросила, бросилась к Анне и Грэгу, затормошила их — спали они плечом к плечу. Анна открыла глаза, села, Грэг отмахнулся, закричал — пробуждение всегда давалось ему тяжело.

Иван, согнувшись, восстанавливал дыхание. Последние кварталы он бежал с максимальной скоростью. В груди застрял горячий осколок, ноги сводило судорогой. Он и в Прежней Жизни не был любителем бега, сейчас для него, постоянно уставшего, с бесконечными переходами и неважным питанием, бросок через весь город стал

испытанием, опустошившим запасы энергии.

— Вставай! — Ева пнула Грэга и оставила его.

Грэгом занялась испуганная Анна, Ева без слов схватила Ивана за плечо.

— Собаки, — выдохнул он. — Большая стая.

Грэг и Анна стояли в дверном проеме, глядя на Ивана, потного, с покрасневшимся лицом.

— Что нам делать? — спросила Анна.

— Уходим. Они идут там же, откуда мы пришли — с юго-запада. Пойдем дальше.

Грэг подошел к главному входу, выглянул.

— Если уйдем, они нас догонят. Надо здесь пересидеть. Сбить след и... затаиться.

Иван посмотрел на Грэга. Он предложил это из чувства противоречия или не до конца уяснил ситуацию?

Иван заговорил сбивчиво — дыхание еще не восстановилось:

— Городок маленький. Они учуют нас. Даже если они найдут шатуна, стая слишком большая, им будет мало. Если они найдут нас, мы — трупы. Если уйдем, есть шанс, что они тут задержатся, и мы скроемся.

Он взялся за вещмешок, проверил, что уложено. Анна беспомощно посмотрела на Грэга. Тот не собирался уступать.

— Уйти из города — самоубийство. Они...

возьмут след.

Иван ничего не сказал, Грэг подошел вплотную.

— Послушай... Можно ведь сбить след.

— Ты не видел стаи. На всех перца не хватит, кто-нибудь из них услышит наш запах. Пока вы спали, я исходил полгородка.

Последний аргумент лишил Грэга остатков задора. Анна уже собирала вещи. Через несколько минут они спешили к окраине. Иван заколебался, надо ли показать Еве знак. Было не до того. Ева сама заметила камни.

Она остановилась. Грэг проследил за направлением ее взгляда.

— Стрелка? Вы про эти знаки говорили?

Иван потянул Еву за собой.

— После обсудим. Дыхание береги.

Через полсотни шагов Иван высыпал перец длинной полосой. Пустой пакет он бросил на землю.

— Надо раздобыть еще. По возможности.

Они шли на пределе возможностей, пока город не скрылся вдали.

Они не останавливались до вечера.

Иван ловил себя на мысли, что вот-вот прикажет всем пробежаться. Не будь с ним беременной Евы, его бы ничто не сдержало. Он

понимал, что вынудил всех на рискованный ход. За пределами города меньше запахов, которые задержат собак, собьют след, меньше шансов встретить шатуна, который, принесенный в жертву, может стать для них спасением.

После полудня они перешли вброд речку, продвинулись вниз по течению на десяток километров, обнаружили широкий приземистый дуб, и Ева предложила ночевать на развилке ветвей. Если стая еще идет по их следу, внезапный конец им не грозит.

Перед тем, как забраться, поужинали. Грэг посматривал на Ивана, и тот догадался: затевается разговор.

— Выходит, — заговорил Грэг. — Мы идем по знакам?

Иван ответил не сразу. Он переглянулся с Евой, она хотела что-то сказать, но он ее опередил:

— Нам попалось по пути несколько знаков. Мы просто идем.

— Ты говорил, раньше они были нарисованы мелом. И еще что-то написано.

— Раньше — мелом, сейчас знак — из камней. Надпись была только одна.

— Мне кажется, надо свернуть куда-нибудь в сторону. Пока не поздно.

— Почему? — спросила Ева.

Грэг ухмыльнулся.

— Что хорошего в этих знаках? Какой-нибудь псих заманивает простаков. Может, не псих. Я слышал, где-то начался каннибализм. Короче, с этими знаками можно попасть, куда врагу не пожелаешь.

Иван и Ева переглянулись. Грэг ждал реакции, жевать перестал. Иван сказал:

— Надо от собак подальше уйти. Найти город покрупнее. О знаках я сейчас не думаю. Увидим — тогда решим.

Уклончивый ответ лишил Грэга стимула для углубления в тему, он зевнул, доел и сказал, что пора баиньки. На веревках они забрались наверх, устроились.

Первым дежурил Иван. Он смотрел на звезды, и, к его удивлению, спать не хотелось. К концу своей смены он почувствовал, как его выворачивает: захотелось писать. Писать было не на чем, завтра их ждал переход на неопределенное расстояние, и смениться было необходимо.

Что же рвалось наружу сегодня? Он так и не узнал, разбудив Еву. Засыпая, он видел красный цветок среди трупов, мусора и разрушений.

7

Они шли по той же трассе на северо-восток — дорога уклонялась в направлении Москвы. Вчера,

перед закатом, на очередном перекрестке они увидели еще один знак. «Шляпку» нарисовали каким-то мазутом, саму стрелку выдолбили в полотне трассы. Первый вариант «синтеза», словно у кого-то, пустившего в ход мазут, его не хватило и пришлось доделывать иным способом.

Все четверо рассматривали знак, но никто ничего не говорил. Сказывалась усталость. Хотелось быстрее найти ночлег.

Ночь снова провели в лесу. Удобного для ночлега дерева не нашли, устроились поблизости от тех, куда можно быстро взобраться. Грэг захрапел, как только опустил голову на рюкзак. На дневном привале Ева прошептала, что дежурить вызывается Анна. Против Анны Иван ничего не имел, но позволить ей дежурить и по-прежнему игнорировать Грэга? Вряд ли это правильная линия поведения.

Когда Иван разбудил Еву, она снова предложила подключить Анну, он не согласился. Иван не сразу заснул, несмотря на усталость. В лесу стояла мертвая тишина, именно мертвая — здесь не выжил никто. В отличие от людей у птиц, зверей и пресмыкающихся не было бомбоубежищ, глубоких подвалов, метро. Ивана переполнила тоска, даже сидящая рядом Ева не могла ее отогнать. Он так и заснул, испытывая усиливающуюся внутреннюю боль, как будто принял яд.

Ближе к вечеру, после непродолжительного отдыха (Грэга пришлось будить, как всегда), они поравнялись с небольшой деревней справа от трассы. Грэг обнаружил на обочине покореженный прямоугольник дорожного указателя. На нем выжили три последние буквы «...ОВО», что ни о чем не говорило. Населенных пунктов с такой концовкой было не меряно: Иваново, Воробьево, Дмитрово, Попково — список продолжался бы до бесконечности. За населенным пунктом виднелся железнодорожный переезд.

Грэг оглянулся на Ивана и Еву, и ему не пришлось говорить, что он хочет. Грэг подмигнул Анне, та пошла за ним, но обернулась на Ивана.

Тот кивнул:

— Осторожней.

Грэг, улыбаясь, предложил:

— Давайте тут ночлежку устроим.

— Это — деревня. Слишком маленькая территория, опасно.

Грэг и Анна двинулись к домам. Ева обняла Ивана одной рукой.

— Пошли вместе. У них даже ножа нет.

— Побереги силы, — он помолчал. — И вообще... Тебе не кажется, это входит в привычку?

— Что входит?

— Надо расходиться.

— Почему? С ними я чувствую себя...

уверенней.

— Самообман. При чем тут уверенность? Случись что-то, они нам ничем не помогут. Тебе... не так одиноко с Анной, и все.

— Этого мало? Чтобы идти вместе?

— Недостаточно.

Ева помолчала.

— Представь, если все будет благополучно, и у нас... родится ребенок? Мне понадобится помощь женщины. Недолго, но это очень важно.

Упоминание о ребенке смутило Ивана. Он обнял жену, погладил ее живот.

— Не волнуйся. Решим еще, что и как... Или... за нас решат обстоятельства.

Анна и Грэг скрылись в полуразрушенном доме, вышли, зашли в следующий. Затем наступил черед третьего дома.

Иван чертыхнулся.

— Он обойдет все дома? Тут давно все растащили.

Ева усмехнулась.

— Вдруг он верит в чудо?

— Ага, тот который... Ему б поспать, пожрать да цацки чужие в руках повертеть. Кем он был в Прежней Жизни? Вроде менеджером?

— Да. В каком-то крупном магазине.

Иван взял Еву за руку, они пошли за попутчиками.

Грэг и Анна вышли из третьего дома. Лицо Грэга было хмурым (поживы никакой нет) и сосредоточенным (все еще может быть).

— Грэг, — Иван старался говорить спокойно, но твердо. — Все не обойдешь. Но поверь, здесь ничего нет. Слишком мелкое селение.

Грэг ухмыльнулся.

— Еще один дом, — он указал вперед. — Видишь? Он вроде целее.

— Там тем более ничего не будет.

— Посмотрим. Это ж по пути.

Иван хотел возразить, но его руку сжала Ева. Вместе они подошли к дому неопределенного цвета, с целой крышей и одним застекленным окном фасада. Грэг и Анна вошли во двор, скрылись в пустом провале двери.

Иван подался к окну, заглянул.

Первое, что он увидел, был Грэг, входящий в комнату, и лицо Анны. Иван уловил движение на полу, усеянном темными дырами. Пустую комнату заполнил визг Анны.

Как по команде из дыр полезли крысы. Две твари повисли на ногах Грэга, он вскрикнул, ударами кулака скинул их, отпрянул следом за убежавшей Анной. В оглушенных тварей вцепились десятки сородичей, но остальные, кто оказался в стороне, понеслись за людьми.

Крысы, подпрыгивая, бросались на спину Анне и Грэгу, большинство срывалось, становясь жертвами напиравших сзади сородичей, но некоторые удержались, вгрызаясь в одежду. Анна обезумела.

Иван бросился к калитке, на ходу доставая из рюкзака пакет, полный комочков, завернутых в толстый полиэтилен. Ева помогала ему, подавая по одному комочку в руки, он протыкал их толстой иглой и бросал в извергавшийся из дома поток крыс. Воздух наполнила жуткая вонь. Комочки задержали тварей, внесли сумятицу, в борьбе появились трупы и раненые среди своих, это сильнее задержало крыс — они все чаще бросались друг на друга.

Визжавшая Анна едва не сбила Ивана, когда он остановил ее на выходе со двора. Ева помогла сорвать с нее крыс. Иван толкнул Анну на улицу, она упала. Иван с Евой занялись Грэгом — тот остановился, топча тварей ногами, ударяя себя по голове и плечам. Иван вскричал:

— Срывай их!

Грэг не слышал. Отмахиваясь, он мог разбить Еве лицо, Иван подножкой свалил его на землю. Они сорвали последних грызунов, рывком подняли Грэга на ноги.

Когда они отбежали, волоча приходившую в себя Анну, Иван оглянулся, увидел, что крысы их

не преследуют, и решил, что можно отдышаться. Грэг повалился на землю, свободной рукой ощупывая места, где ползали крысы. Анну обняла Ева. Иван смотрел на злополучный дом.

Грэг покосился на Ивана:

— Что ты им швырял? Деликатесы припрятал?

Вместо Ивана ответила Ева:

— Мясные консервы. Иван придумал. Мы зовем антикрысин. Нас как-то самих чуть не сожрали.

Иван потер рукой о землю.

— Еще попробуй, отмойся...

Грэг потянул носом, ухмыльнулся:

— Будто кто-то... кучу наложил. И не раз.

— Благодаря этому вы живы. Сильный запах сбил многих крыс с их первой цели. Все пожелали прорваться к самому вкусному, возник хаос.

Анна спросила:

— А разве крысы любят падаль?

— Наверное, у них, как и у нас, что-то изменилось.

Ева сказала:

— Может, новые поколения тварей пожирали оттаивающие трупы людей. И теперь для них испорченное мясо — деликатес?

— Откуда их столько в доме? — спросил Грэг.

— Кто-то долго там находился. И не сразу ушел, даже когда первые твари появились. Они и набежали.

— Похоже, этот кто-то стал их первым ужином или обедом.

Иван пожал плечами.

— Пошлите. Весь антикрысин выбросили.

Они уходили, оглядываясь. Они миновали последние дома, впереди приближалось небольшое здание за переездом — домик железнодорожного работника. Разбитые каменные ступеньки, провал окна, покосившаяся, но выжившая крыша.

Иван заметил взгляд Грэга.

— Больше никто никуда не лезет. Проходим мимо.

Грэг остановился, глядя вперед. Замерла Анна. Иван проследил за их взглядами.

Справа в поле зрения появились двое стариков — мужчина и женщина. Они катили к трассе груженую тележку на двух колесах.

Попутчики следили за тем, как старик и старуха с натугой вкатили тележку на потрескавшийся асфальт, направились через железнодорожный переезд. Какая-то вещь едва не свалилась с тележки, старик подхватил ее, водрузил на место.

Грэг усмехнулся:

— Нахапали! Не они сидели в доме с крысами? Не проверить ли нам, что у них за добро? Вдруг поделятся, им же легче.

Иван сказал:

— Забудь.

— Их всего двое... Их даже пугать не придется.

— Забудь, я сказал.

Грэг посмотрел на Ивана.

— Боишься что ли?

— Грабить мы не будем. Это последнее дело...

— Кто говорит про грабеж? Мы просто посмотрим, что у них. И попросим поделиться. Вежливо. Черт, да забудьте вы о правилах Прежней Жизни!

Ева сказала:

— Грэг, это не очень мудрая идея.

— Думаешь, у них есть пушка, которая стреляет?

— Даже если они без оружия, Иван прав: не надо нам... этим заниматься. Это старые люди, им недолго осталось. У нас есть самое необходимое.

— Может, нам самим недолго осталось?

Иван пробормотал:

— Говори за себя, не за других.

— Да шучу я... Мы будем жить долго и счастливо, вот нам и понадобится то, что для тех,

кто одной ногой в могиле, не имеет никакой ценности.

— Если ты с нами, тема закрыта. Пусть идут своей дорогой.

Анна взяла Грэга за руку.

— У них нет ничего... Всякий хлам.

— Пошлите, обгоним их, убедимся, что там только хлам. Обещаю ничего руками не трогать.

Иван покачал головой.

— Пусть уходят. Мы не будем с ними пересекаться.

— Они еле сунутся. Мы до вечера здесь промаемся. Пошлите. Не буду я их трогать, больно надо... Если вы такие правильные...

Иван повернулся к Грэгу, встал у него на пути... Крики впереди вынудили его оглянуться.

В оконном проеме домика на переезде возник вооруженный арбалетом чернобородый мужик. Он высунул арбалет, навел на стариков.

— Стоять! Проверка на дороге!

Из домика выскочил второй — худой, лысеющий, заросший черной щетиной. В руке он держал пистолет. И он бежал в сторону четверки застывших людей.

Иван толкнул вправо Еву, Анну, потянул их прочь с трассы.

— Бегите! Вдоль железки... Быстрее!

Они понеслись мимо деревни, удаляясь от

трассы.

— Стоять, крысы! — закричал Щетина.

Иван обернулся. Щетина сокращал расстояние.

Пришли в движение старики. Старик потянул тележку дальше, стараясь изо всех сил. Старуха запричитала. Чернобородый не повторялся — он выстрелил из арбалета, старик рухнул. Тележка опрокинулась, из нее вывалилась часть вещей.

Щетина вскричал:

— Стоять! Пристрелю!

Беглецы сместились к деревенской окраине, путь лежал мимо покосившихся заборов по узкой тропе. Тропа уходила вправо, и беглецы уходили из поля зрения Щетины. Ненадолго — дальше окраина снова тянулась влево, впереди была маленькая речушка.

— Уходите в деревню! — вскричал Иван. — Прячьтесь!

— Стоять, крысы!

Иван оглянулся. Щетина остановился, прицелился, выстрелил. Иван пригнулся, вильнул в сторону к забору. Пуля ударила в дерево.

Вот и смещение вправо. В заборе показался проем. Иван решил — прыгнул в проем, пытаясь выхватить топор. Заметил на земле узкую доску, прогнившую, но для удара будет достаточно. Он подхватил ее, поднял, замер. Ошибаться нельзя — у

Щетины огнестрельное оружие. Паникой обожгла мысль: что будет с Евой?

Появился Щетина. Он заметил движение, но направить оружие на Ивана не успел — на его руку обрушилась доска. Щетина заорал одновременно с выстрелом. Пистолет отлетел.

Щетина, схватившись за руку, присел, второй удар Ивана повалил его на землю.

Впереди его ждала Ева, бледная, с растрепанными волосами. Пот блестел на лице, она тяжело дышала и, несмотря на риск, остановилась, как только услышала выстрел.

— Живой! — она бросилась к нему.

— Уходим. Я остановил его, но он жив.

Вдвоем они нагнали Анну. Она запыхалась, остановилась. Увидела, что Щетина исчез, увидела бегущих к ней Ивана и Еву, подождала их. Остановился Грэг.

— Вперед! — крикнул Иван.

Никого не пришлось убеждать. Они перебежали по шаткому мостику узкую речку. С полкилометра тянулась окраина деревни, затем они сместились к железнодорожному пути.

Грэг повалился на землю.

— Все! Хватит... За нами все равно никто не бежит...

Рядом опустилась Анна. Иван видел, что и она

хотела остановки, не хватало дыхания попросить. Иван помог Еве сесть.

— Ты как?

— Терпимо... Беременным физкультура полезна.

Она через силу улыбнулась, Иван ее не поддержал. Грэг пробормотал:

— Вот уроды... Если б не старики с тележкой... нам бы конец.

— Их убили... — сказала Анна. — А ради чего? Ради пары рюкзаков?

Иван, не глядя на нее, сказал:

— Они не собирались нас убивать.

— Этот страшила... он же стрелял!

— Он стрелял в меня, не в вас. Вы скрылись из вида, он решил подстрелить хотя бы меня. Может, он хотел меня ранить, не убить. Или подстраховаться — вести под прицелом пистолета легче двух женщин и мужчину, чем двух женщин и двух мужчин.

— Куда вести?

— Они из банды. Они налегке — без рюкзаков. Устроили засаду в надежде на пленников. Один из них потому и выскочил, что мы стояли и ждали, когда пройдут старики. Им пришлось себя обнаружить. Они ищут рабов.

— Но ведь второй... выстрелил в старика?

Иван пожал плечами.

— Тот был старым. Долго он протянет? И откуда мне знать, что у них на уме?

Грэг сел, оглядываясь:

— Значит, где-то поблизости банда?

— Или не поблизости. Может, тут всего пару человек, и это такой рейд.

— Это они сидели в том доме, — сказала Ева. — Пока из-за крыс стало неважно.

— Ты права, — Иван поднялся. — Тот дом — подходящее место для засады. Любой путник, проходивший мимо, замечал, что он выглядит целее, шел туда, как в ловушку. Из-за крыс они выбрали другое место.

— Что нам делать? — спросила Анна.

— Пройдем вдоль железной дороги, сделаем круг и вернемся к трассе. Только будем осторожней.

— Вернемся?! — повысил голос Грэг. — Где-то поблизости целая банда!

— Банда может быть где угодно. Не обязательно возле трассы. Подъем. Тот с бородой мог прикончить стариков и пойти по нашему следу.

8

Километра через полтора справа от железной дороги за узкой речкой показалась деревушка. Иван решил перейти железную дорогу и пройти по лесу

так, чтобы не попасть в поле зрения тех, кто мог находиться в ближних домах.

Идти было неудобно. Женщины после пробежки были измотаны сильнее обычного. Грэг, понурый, брел без единого намека на свою желчь, высокомерие и готовность к спорам. Ивану было жаль Еву, лишь ради нее одной он мог предложить привал, но он не хотел рисковать. Позади остались те, кто был опаснее стаи собак. Кто знает, может, убийцы старика — следопыты нового времени? Информации о том, что их окружало, было по-прежнему мало. Иван хотел достичь крупного поселения, с домами, где можно следить за подступами, место, которое немного уравнивает шансы, если суждено столкнуться с людьми с огнестрельным оружием.

Еще километр. Они перешли вброд речушку. Пара сотен метров — и снова деревня, на этот раз слева от железной дороги. Иван опять приказал перейти на другую сторону, углубиться в заросли. Так они миновали деревню, и, выйдя к железной дороге, Иван заметил, что она повернула на север. Как по заказу. Он уже думал, сколько им пройти, прежде чем повернуть влево и сближаться с трассой.

Слева потянулась заболоченная почва, справа вдоль железной дороги показались дома. На этот раз на деревню не похоже. Что и подтвердилось,

когда они вышли к вокзалу, не очень крупному, но это был городской вокзал. Они остановились на расстоянии, рассматривая местность, угрюмое потемневшее от времени здание, грязные улицы. Иван не мог решить, нужно ли обойти вокзал или они найдут там какую-то информацию. Грэг молчал, посапывая, косясь по сторонам, наверное, ему хватило приключений на сегодняшний день.

Все решила Ева:

— Пошлите отсюда... — она прижалась к Ивану. — Мало выходов... Опасно.

Иван пошел первым, остальные за ним. Оглянувшись, он заметил непонятное ему выражение на лице Анны, но ничего не спросил — не хотел отвлекаться.

Вскоре они увидели девятиэтажный дом. Не считая церкви с потускневшими голубыми куполами, разъеденными темными пятнами, дом выглядел самым высоким зданием в городе.

Иван кивнул в его сторону:

— Там и осмотримся по сторонам, и остановимся.

Ева заметила:

— Если это обычный дом Прежней Жизни и... если подняться наверх, выходы могут легко перекрыть.

— Стратегия ты наша, — Иван через силу улыбнулся. — Стану богатым — куплю тебе

армию.

— Иван, я серьезно.

— Сначала зайдём мы с Грэгом. Вы подождете, — он посмотрел на Грэга. — Проверь дом в бинокль.

Грэг достал бинокль.

— Пусто. Все уехали на курорт. И писем, кажись, не оставили. Можем взять пентхаус. Девочки есть, осталось нахапать водки. Кстати, можем заказать — на входе стоит портье...

— Грэг, хватит! — потребовала Ева.

— У него так стресс выходит, — сказал Иван.

Грэг хотел ему что-то сказать, но его опередила Анна:

— Я знаю, где мы. Я здесь была...

Все посмотрели на нее. Ева улыбнулась:

— Ты была здесь проездом? В Прежней Жизни или...

— Я когда-то жила недалеко отсюда. На востоке, километров тридцать, есть город. Всего день пути, — она повернулась, указывая направление. — Там мой родной город.

Казалось, у нее начнется истерика, и Ева обняла ее.

— Все хорошо... Видишь, ты оказалась в родных местах.

Иван обернулся к Анне.

— Как назывался город?

— Он... ну, это... Он... Я не помню... — она зарыдала.

— Ладно, не надо. Скоро стемнеет, надо найти ночлег.

На нее не обращали внимания, Анна успокоилась, только шмыгала носом, подавленная, смотрела по сторонам.

Они приблизились к девятиэтажке. Ее окружало открытое пространство, оставить Еву и Анну поблизости было нельзя, только на приличном расстоянии. Иван нахмурился, его это не устраивало. Мало ли кто следил за ними из девятиэтажки. Если этот кто-то увидит, что женщины остались одни... Иван не хотел так рисковать.

Он покосился на Грэга. Не предложить ли ему остаться с женщинами, чтобы Иван вошел в дом один? Его опередила Ева:

— Пойдемте вместе. Пусть каждый найдет себе дубинку или длинную палку.

Разумное предложение.

Они вошли в девятиэтажку без происшествий. Без логической причины Иван выбрал левый подъезд, вошел первым. Шли, заранее сговорившись, каждый на определенном расстоянии. Замыкал цепочку Грэг. Он сжимал в руке тонкую, но крепкую палку. Ева держала в

руках черенок то ли лопаты, то ли граблей. Anne ничего не нашли, да она и отказывалась, не желая ничего брать в руки. Ее решили не напрягать.

Иван поднимался наверх медленно, часто останавливался, прислушиваясь, остальные невольно подстраивались под него. Снаружи тускнел дневной свет. Бойницы окон подъезда были узкими, с каждым этажом сгущался полумрак.

К девятому этажу Иван услышал, как тяжело дышат Ева и Анна. Он замер на несколько ступенек ниже восьмого этажа, поджидая их, сделал знак, чтобы они остановились. Подтянулся Грэг.

— Стойте здесь, — прошептал Иван. — Я найду туда один.

Он поднялся на девятый этаж. На площадке остановился, прислушиваясь. За мгновение до того, как он замер, ему померещился тихий шорох, но было ли это в реальности и, если да, за какой дверью, он определить бы не смог. Или это был звук снизу, где остановилась Ева и Анна?

Время шло, сумрак заполнял подъезд. Иван приблизился к ветхой двери слева от себя, прислушался. Он потянулся к дверной ручке, когда пустой дверной проем на другой стороне площадки показался ему более подходящим. Иван пошел к квартире напротив. Он еще не дошел до проема, когда за спиной со стуком распахнулась дверь, и длиннобородый тип с длинным ржавым ножом

выскочил на площадку. Иван вскинул топор перед собой.

Длиннобородый не напал на него. Он побежал вниз, прыгая через три-четыре ступеньки. Иван с предупреждающим криком помчался следом. Ева и Анна попятились, перед ними встал Грэг, но он тоже отступал, и втроем они оказались между седьмым и восьмым этажами. Длиннобородый не напал на них — метнулся к одной из квартир восьмого этажа. Навстречу ему выскочила женщина в халате, из квартиры послышался девичий крик:

— Мама!

Длиннобородый толкнул женщину в квартиру, захлопнул за собой дверь — металлическую, невредимую. Иван застыл на площадке, попятился, руки противно дрожали. Из-за двери послышался крик девушки, скрежет каких-то сдвигаемых тяжелых предметов.

Иван спустился на площадку между этажами.

— Сваливаем отсюда, — сказал Грэг.

— Пойдите...

Женщины, напряженные до предела, едва сдерживались, чтобы не побежать вниз.

— Мы их сами напугали, — сказал Иван. — Они не опасны.

— Ты видел его тесак?

— Слышишь грохот за дверью? Баррикадируют дверь. Они просто остановились

здесь.

— Какого черта он был на девятом, а остальные засели ниже? Похоже на засаду...

— Здесь дверь хорошая. А наверху... Может, он пошел туда осмотреться, а тут мы появились. Расслабьтесь, они не опасны.

Суэта за дверью квартиры на восьмом этаже прекратилась, наступила тишина.

— Опасны, не опасны, мне они не нравятся. Соседями решил обзавестись? Как в Прежней Жизни?

— Подождите здесь, я быстро на девятый... Вот что, пошлите-ка вместе. Уверен, кроме этой семьи, тут больше никого нет.

Они поднялись на девятый этаж, зашли в квартиру, в которой прятался Длиннобородый. Признаков того, что здесь недавно жили люди, не было. Иван был прав: Длиннобородый поднимался сюда ненадолго.

Иван взял у Грэга бинокль, какое-то время изучал окрестности, но это мало что дало — сумерки смазали видимость.

— Надо остановиться здесь.

— Что? — Грэг выхватил у Ивана бинокль. — Пошлите хотя бы в другой подъезд.

— Стемнело, лучше не рисковать.

— Лучше подождать, пока Длиннобородый полезет на нас с тесаком?

— Они закупорились в квартире и вряд ли выйдут.

— Загнанный зверь опасен, знаешь такое? Этот любитель тесаков подумает, что мы ждем их в засаде, надеясь взять измором. И решит, что лучше напасть самому.

— Не скажу, что ты совершенно не прав, но... Мы сами забаррикадируем дверь. Мы выше, для них путь свободен. Захотят — просто уйдут.

Анна сказала:

— Я хочу домой. Пошлите завтра в мой город.

Иван замялся. Анна смотрела на него. Грэг опустил бинокль, повернулся к ним.

— Нам нужно вернуться к трассе, — сказал Иван.

— Пожалуйста. Я хочу увидеть... дом.

— Зачем нам к трассе? — спросил Грэг. — Там больше шансов наткнуться на банду.

— Банда может быть где угодно.

— Хочешь вернуться к своим значкам?

Иван помедлил.

— Чем идти, куда глаза глядят... Можно хотя бы выяснить, куда ведут эти знаки.

— Никуда они не ведут. Какой-то придурок забавляется. Или кто-то устраивает ловушку. Та же банда. Кто-то придумал такой вот нехитрый способ. Заманить всех безголовых.

Иван посмотрел Грэгу в глаза.

— Кажется, пришел момент расставания. Ты хочешь в одну сторону, мы в другую. Всех все устраивает.

— Иван, — прошептала Анна. — Не уходите от нас. Мы потом сможем вернуться.

Вмешалась Ева:

— Завтра решим, ночь уже — все равно сейчас никуда не пойдём.

— Располагайтесь, — сказал Иван. — Я дежурю первым.

В доме было тихо. Иван сидел в прихожей с топором в руках, прислонившись спиной к стене, прислушиваясь к тишине на площадке, к дыханию спящих в комнате.

Его выворачивало, так хотелось писать картину, но он понимал: сегодня — не подходящая ночь для нового творения. Осознание этого угнетало все сильнее. Этажом ниже находился крепкий мужчина, вооруженный тесаком, и, хотя он заботился о защите своей семьи, это не исключало нападения. Грэг был недалек от истины: решив, что его загнали в угол, и выбора нет, Длиннобородый мог решиться на что угодно.

Борясь с нестерпимым зудом, Иван несколько раз подходил к окнам, выглядывал в ночь, даже на балкон вышел. Вокруг царил тьма, и это лишь усиливало желание погрузиться в работу.

Через час Иван разбудил Еву. Он хотел спать, но они договорились кое-что обсудить, как только окажутся наедине.

— Я хотела тебе предложить... Еще пару дней назад...

— Предложить что?

— Давай идти, как получается.

— Мы так и делаем.

— Ты понял, о чем я. Пока мы шли по трассе, пока видели знаки и все было нормально, я ничего не имела против. Но теперь...

— Что теперь, Ева?

— Нам пришлось свернуть в сторону, и раз так получилось, давай не гнаться за призраком.

Иван молчал. Хотелось перенести этот разговор на утро, но он понимал: от того, что они решат, зависит, когда и как это утро для них начнется.

— Иван, поверь, сначала у меня тоже появилась какая-то надежда. Но сколько это будет продолжаться? Куда мы идем? Кто нас направляет? Мне все больше это не нравится, любимый.

— Это лишь ощущения. У нас появилась хоть какая-то осмысленность — идти по знакам. Нужно проверить, что они значат.

— Не боишься разочароваться?

— Боюсь. Но так можно всего бояться и ничего не искать.

— А что ты хочешь найти? Царство небесное? Месяц назад ты сам сказал: кругом одно и то же. Нигде ничего не осталось от Прежней Жизни. Нам просто надо держаться вместе, родить и сохранить ребенка.

— Зачем же ты держишься за Анну?

— Когда мы с ними... мне не так одиноко. Мне тебя вполне хватало. Помнишь, я даже шутила, что сейчас наступила истинная жизнь — люди проводят время лишь с теми, без кого физически не смогут жить. А все остальное, без чего можно выжить, отбрасывается, как ненужное.

— Без Анны ты не умрешь.

— Да, не умру. Но она — моя подруга. В чем-то она мне нужна. И она сама не хочет расставаться.

— Черт, раньше я думал, что это женщины разделяют мужчин, создавая те самые ячейки общества.

— Бывает по-всякому. И нет сейчас никакого общества, чтобы еще на ячейки делить.

— Именно — нет. А рано или поздно консервы закончатся, нужно будет сеять хлеб, разводить домашних животных.

— Боже! Давай подумаем, что с нами будет лет через тридцать. Как раз выйдем на пенсию. Может, уже сейчас озаботимся пенсионным фондом?

— Давай без иронии. Все, что я сказал, не смешно.

— Не заглядывай так далеко. На нашу жизнь консервов хватит, а то, что будет потом, мы не сможем контролировать.

— Ты же хочешь, чтобы у нас не только родился, но и вырос ребенок.

— Не забегай так далеко. Счастье, что мы живы. И счастье, если ребенок будет с нами, просто будет расти.

— Значит, хочешь, чтобы Анна была рядом? И Грэг?

— Хотя бы ближайшее время. Потом что-то изменится, и я сама тебе предложу расстаться с ними.

— Или не предложишь.

— Или не предложу. Но пока не меняй ничего, раз так лучше.

— Только нет разницы, куда идти. Неужели сложно подчиниться мне и какое-то время идти по знакам?

Ева медлила с ответом.

— Мы будем осторожны, — сказал Иван. — Если знаки приведут к какой-то группе людей, мы... просто развернемся и уйдем.

— Но если это не группа людей... Что-то еще ты считаешь найти?

— Не знаю...

— Знаки оставляет какой-то человек. И он вряд ли нас знает. Значит, оставляет всем, кто их увидит. Куда они могут вести?

— Гадать бессмысленно. Ты уговоришь Анну повернуть на восток, к трассе? Вместо этой ностальгии с отчим домом?

Ева покачала головой.

— Видел ее состояние? Я ее понимаю. Нам пора отдохнуть дня три-четыре, а она знает свой город.

— Знает город? Не смей меня. Города изменились, все изменилось. Она даже название забыла!

— Название не так важно. Нам надо отдохнуть. Потом мы вернемся к трассе.

— Когда?

— Боишься опоздать?

— Задержка во времени может иметь значение.

— А может не иметь. Мы не знаем, о чем речь, куда ведут знаки, и я предлагаю: не беспокойся. Если суждено куда-то опоздать, все равно опоздаем.

Иван вздохнул.

— Надо поспать.

Она улыбнулась, обняла его.

— Поспи, милый.

Утром вставали с трудом — чувствовалось, что им нужен отдых более продолжительный, чем одна ночь. Усталость скапливалась постепенно. Каждый дневной переход приближал их к тому, что однажды утром они никуда не пойдут и останутся на одном месте минимум два-три дня.

В этом смысле стремление Анны оказаться дома как нельзя лучше совпадало с тем, что им нужно остановиться и отдохнуть до тех пор, пока в гости не зачестят крысы. Наверняка город был уже не тем, как в Прежней Жизни, но знания Анны могли пригодиться. Оставалось надеяться, что она не будет требовать ночевать непременно в ее бывшем доме, если он окажется неподходящим местом.

Когда незадолго до рассвета Иван и Ева менялись последний раз, она сказала ему, что больше не станет перечить насчет знаков — решать, идти по ним или нет, теперь будет Иван. Нужно лишь, чтобы Анна побывала в родном городе, после чего проблем с ней не будет.

Уверенности, что до соседнего города хватит дневного перехода, не было. Иван разбудил всех, как только рассвело. Пока они перекусили, пока спустились вниз, встало солнце. Перед выходом Иван рассматривал в бинокль окрестности и заметил парочку шатунов. Оба были на последней стадии, один едва удерживал равновесие во время

медленной неуклюжей ходьбы.

Город остался позади, когда на асфальте шоссе, ведущего на восток, они увидели стрелку мелом. Широкая, со шляпкой на всю дорогу, она указывала на восток. Первой ее заметила Ева. Иван, не ожидавший здесь знаков, остановился. Ева прошептала:

— Видишь, все равно бы пошли в эту сторону.

Ни Грэг, ни Анна ничего не сказали. Анна в нетерпении смотрела вдаль, Грэг выглядел уставшим и сонным. Иван подумал, что эта стрелка, возможно, не имеет отношения к тем знакам, которые вели их на северо-восток, это сделал кто-то другой, пусть даже цели были в чем-то схожи. Иван ничего не сказал вслух. Чуть позже, когда город за спиной скрылся из вида, пришла уверенность, что эта мысль была глупой. Это были те же знаки, из одной цепочки, «скованные» одной целью. Эта стрелка выглядела ровнее, словно ее оставил кто-то другой, но это ничего не меняло.

Они прошли мимо двух деревень, пересекли железную дорогу, и шоссе потянулось в юго-западном направлении. Теперь удаление от прошлого маршрута значения не имело — они шли в направлении знаков.

В этот день на дороге не случилось ничего примечательного, они позволили себе один короткий привал, чтобы подкрепиться. Даже Грэг

не попытался изъять из этой остановки время для сна. Всем хотелось добраться до города прежде, чем наступят сумерки. И им это удалось.

До захода солнца оставалось несколько часов, когда они подошли к железнодорожному переезду, и впереди показались дома. Анна остановилась, уставившись на дорожный указатель:

— Я вспомнила, — прошептала она.

Иван проследил за ее взглядом. Буквы на выжившем дорожном указателе давно стерлись, угадывались только две последние «...СК».

— Козельск. Я жила раньше в Козельске, — она помедлила. — А тот город, откуда мы пришли — Сухиничи.

Анна заулыбалась. Грэг ухмыльнулся.

— Одно название краше другого.

Ева повернулась к нему.

— Грэг!

— Пошли, Анна, — сказал Иван. — Веди к своему дому.

9

Они прошли вдоль железной дороги, пересекли ее и оказались на центральной улице города. По размерам и внешнему виду он почти не отличался от предыдущего, только церковей оказалось больше, больше виднелось руин зданий,

которые могли быть в Прежней жизни заводами.

Они свернули на неширокую улицу, где в прошлом стояли вполне добротные для глубинки частные дома. Недалеко от поворота Анна остановилась. Она сдерживалась почти минуту, затем разрыдалась. Ева обняла ее, поглаживая по спине. Иван решил не тратить времени и проверить дом, на который смотрела Анна. С первого взгляда он заметил значительные разрушения. Для одной ночи подойдет, но если они собрались задержаться на несколько суток, необходимо что-то другое. Соседний дом выглядел надежней. В половине окон уцелели стекла.

Иван посмотрел на Грэга.

— Встань на входе во двор. За ними присматривай.

Иван пошел к дому, Грэг занял позицию между женщинами и крыльцом дома. Иван возвратился быстро, на немой вопрос Грэга покачал головой. В стенах — широкие пробоины, пол в провалах, ходить невозможно. Иван прошел к соседнему дому, подал знак Грэгу, чтобы тот оставался на месте.

В доме было пять комнат. Задняя дверь отсутствовала, но косяк был в порядке, можно использовать одну из внутренних дверей, закрыть ею черный вход. Парадная дверь целая, только замка нет. Починка не займет много времени.

Иван вернулся к женщинам. Анна посмотрела на него. Он улыбнулся, подбадривая.

— Как смотришь на то, чтобы остановиться у соседей? В твоём доме, к сожалению, не так удобно.

— Это дом моих родителей.

— Из соседского ты бы могла на него смотреть.

Иван обернулся, кивая на двухэтажный дом с гаражом на другой стороне улицы — он стоял наискосок через пару домов.

— Этот тоже выглядит хорошо, уцелел, но сойдет и соседский.

Анна посмотрела на двухэтажный дом.

— Там жила семья из Москвы. Они приезжали только на лето. При деньгах были. Зимой-осенью там все время жил охранник.

— Ого, — Грэг оживился. — Наверное, валяется пару пушек.

— Вряд ли оружие уцелело, — сказал Иван. — Но проверить не мешает. Завтра наведемся.

Ева повела Анну к одноэтажному дому, мужчины пошли следом. Иван сбросил рюкзак во дворе, остановился, ожидая, пока Ева и Анна войдут в дом. Он рассматривал дома на улице, прислушиваясь к тишине, пытаясь убедиться, что они на этой улице в одиночестве.

Из дома вышел Грэг.

— Двери завтра подделаем?

— Я еле живой... Но лучше сделать их побыстрее.

— Слышь, давай я первым подежурю.

Иван медлил, не зная, как отреагировать.

— Спасибо, ложись спать. Я еле живой в смысле, что не хочется никуда идти, что-то делать. Но дежурить — не проблема. Через пару часов разбужу Еву, выплусь.

— Как хочешь... Слышь, ты Аню буди. Она мне сказала, что ей... типа стыдно, что вы с Евой дежурите, а она дрыхнет каждую ночь.

— Я подумаю.

Грэг кивнул, поворачиваясь к крыльцу. Иван сосредоточил внимание на противоположной улице. И услышал шорох.

Шатун возник неожиданно, похоже, находился где-то за домом во дворе, и они его не заметили. Коренастый, лицо в ссадинах, он двигался без единого звука. Глаза бессмысленно смотрели перед собой, но Грэга он видел.

— Грэг! — крикнул Иван.

Грэг обернулся, попятился и оказался отрезан от входа в дом. Он мог просто отступить, но по какой-то причине прижался к стене дома, как если бы его загнали в тупик, принял стойку.

Иван действовал по инерции. Он не успел бы

остановить шатуна до того, как тот бросится на Грэга, а метнуть топор не решился. Он метнул рюкзак — подхватил его, бросил без размаха. И попал шатуну в плечо. Тот рухнул, как от увесистого валуна, не дойдя до Грэга два шага. Шатун ударился о стену дома, неуклюже сполз на землю.

Грэг отступил на пару шагов.

Из дома выглянула Ева, за ней возникла Анна, вскрикнула.

— Все кончилось! — крикнул Иван. — Он не встанет.

Шатун повалился на бок. Попытки встать были слабыми, он рыл землю руками, постепенно затихая. Дыхание его слабело. Неудивительно, что Иван сбил его рюкзаком. Наверняка его сон, если это можно назвать сном, быстро перейдет в смерть.

Грэг тихо выругался.

— Пошлите в дом, — сказал Иван. — Он уже не опасен.

Анна посмотрела на Ивана.

— А с ним что? Так и оставим?

— Что ты предлагаешь?

— Если ему дать поспать, разбудить? Мы поискали бы ему пару.

— С ума сошла! — выпалил Грэг.

Иван сказал:

— Всех не спасти. Если каждого шатуна

возвращать к нормальной жизни... Может, я ошибаюсь, но мне кажется, он так истощен, что ему уже не поможешь.

— Шатуны опасны, — сказала Ева. — Как удержать его в узде, пока ищешь ему пару?

Иван глянул на небо.

— Пошлите в дом.

Ева подняла Ивана, и он сказал, что на рассвете пойдет на разведку, но один, и потому разбудит Анну.

— Я ей доверяю, — сказал он. — Да и спать не ложусь. Просто для надежности, чтобы с вами ничего не случилось.

— Умница. Может, разбуди меня?

Иван задумался.

— Отдыхай. Ты уже не одна, вот и отдыхай за двоих.

Она улыбнулась, поцеловала мужа.

— Будь осторожней. Иди, взгляни, что у тебя получилось. По-моему, неплохо.

Она легла, Иван прошел в соседнюю комнату, где на стене ночью писал картину. Он был измотан, руки не слушались, но его выкручивало так, что его внутреннее стремление и потребность оказались сильнее, побороли физическую усталость. Благодаря его состоянию он даже не понимал, какой цвет использует, нужно ли больше

освещения, все ли он правильно подготовил. Из-за этого интерес к картине возрастал, а где-то в глубине таился страх: вдруг там мазня? Вчера он был измотан, и неудачи могут быть всегда. Даже если человеку дано свыше, и последние его десять картин — шедевры, одиннадцатая может не соответствовать их уровню.

Иван сел по-турецки, уперся спиной в противоположную стену, откинул голову и лишь тогда посмотрел на картину, довольный собой, что так долго сдерживал нетерпение.

На картине царили два цвета — белый и черный. Левая половина была белой, правая — черной. Это могли быть две лавины, идущие навстречу друг другу. Или две гигантские волны. Или две армии, например Добра и Зла. Узкое пространство между ними, казалось, сужалось незаметно для человеческого глаза, в этом пространстве крохотные кляксы фигурок нескольких человек — один тянет второго, который споткнулся, третий ползет на четвереньках, четвертый неловко спешит за ним — выглядели так, как должны были выглядеть букашки в сравнении со всей планетой. Фигурки спешили преодолеть это узкое пространство... чтобы спасись? Уйти с пути двух стихий, когда они сойдутся? Сложно было утверждать, что стихии сходятся, точно также они могли расходиться или

же находиться на своих местах вечность. И все-таки ощущение, что они сходятся было бесспорным, возможно, из-за спешки и страха, переполнявших фигурки. Должны были эти несчастные выбрать одну из сторон или же цвет, контраст означал вовсе не принадлежность к Добру и Злу? И что одна стихия, что другая была также опасна для букашек-людей?

Вопросы в голове Ивана проскользнули медленно, незаметно, как вырванные со дна, уносимые течением водоросли. Он и не собирался искать на них ответы — неблагоприятное дело. Довольный, как если бы расслаблялся несколько часов, Иван встал, погладил картину на стене рукой — своеобразное прощание до завтрашнего дня, выглянул в окно, прислушался.

Видимость улучшалась, и он разбудил Анну.

— Выспалась? Подежуришь? Я хочу ненадолго выйти, осмотреться.

Анна закивала:

— Конечно. Иди. Еву и Грэга я в три секунды растолкаю, если что.

Иван улыбнулся.

— Насчет Грэга я сомневаюсь. Что за три секунды.

Улыбнулась и Анна.

— Ну, за десять секунд.

— Ничего не бойся. Я скоро вернусь.

Он вышел, выяснив у Анны, что из города раньше вели дороги как на восток, так и на север, вернее на северо-восток, в направлении Калуги. Город был небольшим, Иван рассчитывал управиться быстро.

Он шел вдоль главной улицы в восточном направлении. Шел медленно, часто останавливался, рассматривал окружавшие его дома в бинокль, прислушивался, исследовал землю. Ближе к восточной окраине на широком перекрестке он остановился. С этого места можно было продолжить путь на восток, повернуть влево — на север, либо вправо — на юг. Внимание Ивана отвлекали дома, и он не сразу заметил знак. Он уже спрашивал себя, в какую сторону ему пройти в поисках знаков и как далеко. Знак мог быть уже за городом. Хотя Иван рассчитывал, что знак укажет на север, уверенности в этом не было. С таким же успехом знак мог показать на юг. К счастью, вопрос решился.

На обочине лежали несколько кусков бордюра впритык друг к другу, один с локоть длиной, три других чуть длиннее. «Шляпку» стрелки выложили небольшими камнями. Знак указывал на север. Иван какое-то время рассматривал его, как будто некие детали могли дать ему информацию о том, кто оставил за собой знак. Снова появились прежние вопросы. Как давно человек, оставивший

знаки, прошел здесь? День-два назад? Час? Или месяц? Человек оставляет знаки для конкретной личности или же «всем, кто увидит»?

Иван посмотрел на часы, подумал, что времени достаточно, и пошел на север. Километра два, и дорога повернула на северо-восток. Впереди был мост через узкую речку, за ним — предместье, в прошлом наверняка деревня-спутник города.

Иван прошел к мосту, рассматривая окрестности в бинокль. Когда он убрал бинокль, в глаза бросилась черта голубым мелом. Знак! Он указывал в северо-восточном направлении.

Когда Иван возвратился и встал на пороге, Анна не появилась. Несколько долгих изматывающих секунд он ждал, а внутри бушевала паника: где она?

Вскинув топор, он бросился к комнате, где спала Ева. Ева лежала на прежнем месте, дыхание ровное. Рядом лежала спящая Анна, а вот Грэга не было. Вздох облегчения сменился напряжением: где он? Какого черта спит Анна?

Иван проверил дом, но Грэга не нашел. Сбежать без Анны он не мог. Если Анна разбудила Грэга, решив смениться (не рискнула будить Еву), куда он пошел?

Что-то подсказало Ивану, что Грэг совершает свой обычный набег, хотя вряд ли пошел далеко.

Где-то у соседей? Иван вышел на крыльцо, осмотрелся. Взгляд задержался на двухэтажном коттедже на другой стороне улицы. Было тихо, никакого движения, но уверенность, что Грэг там, крепла с каждой секундой.

Иван пересек улицу, прошел к дому через дворик, заметил, что дверь открыта. Вчера дверь была заперта. Иван встал на пороге, не заходя в дом. Послышался приглушенный звук, то ли шаги, то кто-то передвигал какие-то предметы.

— Грэг?

Все стихло. Приглушенные шаги, и появился напряженный Грэг. Его лицо расплылось в улыбке.

— О, это ты! А я тут...

— Зачем один ушел? Ты оставил их спящими!

— Тут пару шагов. Я на минуту.

— Я уже минут пять, как вернулся. Не мог меня обождать?

Грэг вытянул из кармана зеркальце и женские часики.

— Лучше глянь, что нашим бабам нашел. Моя давно про часы говорила. Это отдам ей, а Еве — зеркальце.

Он протянул руку с зеркальцем, Иван не взял, и Грэг сам засунул зеркальце ему в карман.

— Бери. Ева порадует. Бабы любят подарки.

— Спасибо, конечно, но больше так не делай.

— Как?

— Анна сказала тебе, что я пошел проверить обстановку? Ты не должен был оставлять их спящими.

— Хватит бухтеть, лучше посмотри, что я еще нашел.

Он исчез в доме, Иван вошел за ним. В сумрачной широкой комнате первого этажа, на грязном сломанном диване лежали два гладкоствольных ружья, одно — одноствольное, второе — двустволка. Грэг, довольный, подхватил оба.

— И патроны, целая коробка! Шикарно? Только двустволка, кажись, не контачит, сломана.

Иван взял двуствольное ружье, осмотрел. Что-то было с замком. Грэг похлопал его по плечу.

— Видал? А ты: «зачем пошел»? «Зачем пошел»?

— Ты не понимаешь! — Иван едва сдержался, чтобы не заорать.

— Ты же пошел один. И ничего, нормально.

— Я оставил кого-то, кто не спал!

Грэг уже не улыбался. Иван подумал, что это похоже на нотации подростку. Следующий раз надо просто не допускать таких ситуаций. И лицо Грэга сейчас ему не нравилось, но главная причина была в Еве — пока они тут разбираются, она беззащитна.

— Вернемся — обсудим, — сказал Иван. — Пошли. И ружье не здесь разбирать. Что тут еще

было? Ты все осмотрел?

— Гараж под домом, а в гараже — джип. Стекла целые, ни царапины. Солярки полно. Кажись, эта джипяра даже заведется, если попробовать.

— Зачем он тебе?

— Кататься легче, чем на своих двух идти.

— И далеко уедешь? Солярки не наберешься.

Пошли назад.

Они вышли с ружьями наперевес. Они пересекли улицу, когда Иван замер на обочине. Какое-то неуловимое движение в конце квартала вынудило его остановиться. Иван медленно, будто нехотя, повернул голову.

На перекрестке стояла собака.

10

Грэг обернулся, глянул на Ивана.

— Ты чего? — он не видел собаку.

К собаке присоединилась еще одна, крупнее, такая же вертлявая. Кажется, они еще не заметили людей.

Иван толкнул Грэга вперед, уходя из поля зрения животных.

— Собаки, — выдохнул он.

Грэг прижал приклад ружья к плечу, направил дуло в сторону перекрестка. Непроизвольная

реакция. К двум собакам присоединилась третья, четвертая.

— Свихнулся?! — Иван толкнул Грэга, потащил во двор. — В дом!

На крыльце Грэг опять прицелился в собак, теперь уже невидимых, но Иван затолкал его в дом, захлопнул дверь. Вид у Грэга был такой, словно он собирался ринуться в бой.

— Застрелишь всю стаю? — Иван держал его за локоть.

Грэга передернуло, и он будто очнулся.

— Уходим! Буди Еву! Анна!

Иван закрыл ему ладонью рот.

— Тихо! Может, пронесет: не учуют.

Грэг сорвал руку Ивана.

— Еще можно уйти!

— Поздно!

Иван прошел в комнату к окну, выглянул. Тихо, ни единого признака, что собаки поблизости. В затылок Ивану задышал Грэг.

— Их же нет. Давай слиняем!

— Они услышат нас! А так... хоть какой-то шанс.

Молчание. Иван поспешил в соседнюю комнату, там из окна просматривался соседний двор, подходы с тыла, часть улицы.

— Надо баб разбудить, — предложил Грэг.

— А смысл?

— Если собаки нас учуют и окружают дом...

— Пусть Ева и Анна узнают об этом как можно позже.

Грэг невнятно выругался.

— Может, шавки тут не появятся?

— Так-то лучше, Грэг. Думай о хорошем.

Пока это все, что мы можем.

Они переместились в общую комнату и какое-то время молчали. Грэг дышал, как во время бега. Иван едва сдерживался, чтобы молчать, а не материться, проявляя слабость в глазах Грэга. Именно Грэг был причиной того, что Иван внешне ничем не проявил свое внутреннее состояние. Будь он один, кто знает...

По улице одна за другой протрусили две собаки. Средних размеров, вытянутые, с короткими ногами, серые, шерсть скатанная. Первая не поднимала морду от земли, вторая вертела головой, рассматривая дома.

— Твою мать, — Грэг сжал зубы. — Нашли, твари...

— Еще нет, — прошептал Иван. — Пока...

Первая псина остановилась, принохиваясь. Именно там, где Иван и Грэг переходили улицу. Грэг сжал Ивану плечо.

— Может, их всего парочка? — слова чуть угадывались, так тихо он говорил. — Или... десяток?

— Их много, Грэг. Иначе бы они не пришли в город.

Собака двинулась к дому, где в Пржежней Жизни обитали соседи семьи Анны. За ней двинулась вторая. На улице появилось еще три псины. Стая нашла людей.

Серым потоком стая растеклась по улице, наполнила окрестные дворы ручейками. Твари убедились, что поблизости больше никого нет, и, ослепленные нежданной добычей, они никого не упустят. От мертвого шатуна во дворе ничего не осталось за несколько минут. Псы вертелись, огрызаясь, сбивали друг друга, запрыгивали на спины, тыкались в бока, скребли лапами землю, слюна стекала с клыков, и они блестели, как обглоданные кости. Это был хаос, но хаос упорядоченный. Их становилось все больше, они окружили дом, кольцо сжималось.

Как по команде десятки глоток исторгли вой. Двое мужчин в доме сжались, словно их начали бить. Казалось, собаки знали, что можно подавить людей звуками, лишить их желаний отбиваться. Сквозь вой слышались глухие удары — собаки бросались на дверь, проверяя прочность. В ударах не было напора, твари лишь наслаждались удачей, прелюдия перед пиром.

Грэг вскинул ружье, упершись дулом в

стекло. Иван взялся за дуло, опустил его.

— Бесполезно. Побереги патроны.

— Они разбегутся, вот увидишь. Один грохот заставит их...

— Не вздумай! Даже если взять факел и размахивать, пройдешь считанные метры. Задние ряды будут напирать, и передние не отступят, даже если захотят. Их слишком много! Они просто пожрут тех, кого ты подстрелишь.

Грэг затравленно смотрел на серое буйство за окном.

— Что ты предлагаешь? Открыть дверь? Чтобы это быстрее кончилось?

— Я не предлагаю открыть дверь, я слова об этом не сказал. Я предлагаю беречь патроны.

— Зачем тебе патроны? Если от них толку нет?

— Кто знает, что будет дальше. Лучше умереть от пули...

Иван замолчал. Грэг опустился на пол, закрыл лицо руками. Удары в дверь усилились. Опять завыли псы.

— Надо забаррикадировать дверь, — сказал Иван. — Не выдержит...

Он прошел в прихожую, посмотрел на комод. Попробовал сдвинуть — тяжело. Но сейчас это то, что надо.

— Помоги!

Грэг не пошевелился. Иван немного сдвинул комод. Собаки за дверью слышали скрежет, залаяли. К ним присоединилась вся стая. Иван подумал, что сейчас увидит разбуженную Еву, но даже бешенство стаи оказалось бессильно. Спящие не хотели просыпаться. Возможно, для Евы лучше остаться спящей. Если только ничего не изменится, но что могло измениться? Даже если стая найдет новые жертвы, часть стаи отсюда не уйдет. Им все равно будет мало.

— Грэг, мудака ты этакий! Помоги!

Грэг встал, как во сне посмотрел на потуги Ивана, но присоединился, и они подперли дверь комодом.

— Хорошо хоть окна высоко от земли, — пробормотал Иван.

Он прислушивался к яростным звукам за дверью и не заметил, как Грэг ушел в спальню.

— Грэг? Не делай этого! Не буди их!

Иван поспешил в спальню, но опоздал. Анна, разбуженная, уже растормошила Еву. Грэг, опустившись на колени, смотрел в пол, словно каялся перед Анной. Та, шокированная, еще не пришла в себя. Ева в отличие от нее сразу осознала, что происходит. Она бросилась к Ивану, и тот обнял ее, позволил ей уткнуться в свою грудь. Он хотел ей что-то сказать, найти хоть какие-то слова утешения, но сейчас они все будут фальшью.

Ева продержалась недолго — она зарыдала. Ее плач подхватила Анна.

Спустя два часа ничего не изменилось. Собаки с небольшими перерывами штурмовали дверь, выли, лаяли, огрызались друг с другом. Неугомонные, они перемещались вокруг дома, но меньше их не становилось, кольцо даже стало плотнее.

Иван сидел между комнатой и прихожей, чтобы следить за дверью и комодом. Заднюю дверь тоже забаррикадировали, но там еще напора не было.

Ева сидела на диване в общей комнате, глядя в пол. Изредка она поглядывала на Ивана, смотрела в окно, снова застывшим взглядом упиралась в пол. Анна лежала на спине посреди комнаты, глядя в потолок. Ее била мелкая дрожь, иногда она морщилась, когда вой становился затяжным, и, если к ней обращались, она не улавливала смысл сказанного. Грэг сидел рядом, голова опущена, кисти рук свисают меж коленей.

Иван подошел к Еве, сел рядом, обнял.

— Ложись, поспи.

Она покачала головой.

— Ложись, так будет легче.

— Не хочется. Я... не смогу заснуть.

Иван чувствовал, что шок отпускает, и жалкое

подобие мыслительного процесса восстанавливается. Ужас перед неминуемой смертью не мог бесконечно доминировать над всеми другими чувствами. Он проголодался и вдруг осознал, что еще не готов похоронить себя. И еще понял, что нужно растормошить остальных. Хотя бы ради себя.

— Послушайте, — Иван похлопал Еву по коленке. — Мы еще живы.

Ему никто не ответил, казалось, его никто и не слышал.

— Живы! — он повысил голос.

Ева прошептала:

— Даже будь у нас много еды... сколько мы продержимся? Скоро появятся крысы...

Иван закрыл глаза. Против крыс он возразить не мог. В этой ловушке они еще могли рассчитывать на чудо — пересидеть стаю, несмотря на голод, надеясь, что ее что-то отвлечет, и собаки уйдут. Но для этого нужно время, а времени у них были считанные дни. Наверняка крысы потянутся в этот дом еще раньше, привлеченные скоплением собак.

Анна пробормотала:

— Это все из-за меня... Я привела вас сюда. Я просто хотела... домой.

Иван присел с ней рядом.

— Не надо корить себя, Анна. Лучше

подумай, что мы сейчас можем сделать?

Анна снова впала в прострацию, молчал Грэг, ничего не говорила Ева. Иван разозлился. Казалось, он один пытается поднять плиту, которая придавила им ноги, но никто не собирается ему помочь, хотя он точно так же старался для других, как и для себя.

Он схватил Грэга за плечо, повернул к себе.

— Какого черта молчишь? Предложи хоть что-нибудь! Мужик ты или нет?

Грэг, измученный, как после длительного перехода, посмотрел на Ивана.

— Я хочу спать.

Иван рывком поднял его.

— Спать?! Маленький хочет спать! Надо бороться! Я не хочу, чтобы меня сожрали собаки! Я не для этого жил! Я хочу спасти свою жену! У тебя тоже есть женщина, а ты раскис, как пацан, которого мамочка потеряла!

Ева потянула Ивана на себя, разжала его руки.

— Не надо. Он ничего не сделает. Как и ты... Не трогай его.

Грэг посмотрел на Еву, кивнул в сторону окна.

— Если б добраться до этого дома с гаражом. Машина наверняка на ходу. Завести ее и... пофиг все собаки.

Иван с тоской посмотрел на забитое собаками

пространство.

— Если б я мог ходить по воздуху... Придумай что-нибудь получше.

Иван ждал, что Грэг ответит, огрызнется, что-то внутри у Ивана хотело этого, но тот молчал — он был подавлен, чтобы спорить и выгораживать себя.

— Будь у нас куски мяса, — сказала Ева. — Небольшие, чтобы швырять с крыши... Швырять в огород, подальше от дома... Но собак слишком много — они разбегутся ненадолго, мы не успеем перебежать улицу. Если бы кто-то швырнул, а кто-то бежал...

— У нас нет мяса, — вырвалось у Ивана. — Если б на эту улицу парочку шатунов... Но вчетвером мы не успеем.

Расстроенный так быстро исчезнувшей надеждой Иван прошел к кухне, встал на пороге. Из глаз потекли слезы, он не пытался их сдержать. Они с Евой — трупы! Все, никаких шансов вырваться! Это их судьба — пройти столько городов, следуя таинственным знакам, мечтать о ребенке, и все для того, чтобы наполнить собой желудки одичавших собак.

Он сполз по дверному косяку на пол. По ту сторону двери его учуяли, и яростная атака едва не выбила дверь. Рычание, стук когтей по деревянной обшивке. Иван невольно поднялся, взгляд

зацепился за холодильник и кухонные шкафы — достаточно, чтобы забаррикадировать кухонный проем, если вдруг твари прорвутся...

Иван замер, не в силах поверить пришедшей в голову мысли. Медленно, будто он мог забыть, Иван вернулся в гостиную. Он еще не сказал ни слова, а остальные, даже Анна, посмотрели на него. Они почувствовали какое-то изменение в нем, их инстинкт, обостренный до предела, не нуждался в словах. Даже новая волна завываний снаружи ничего не меняла.

— Грэг, — Иван не узнал свой голос. — Если машину завести... думаешь, на ней можно подъехать вплотную к окну? Так, чтобы из дома забраться прямо в машину?

Грэг кивнул.

— Как ты доберешься до машины?

— Я кое-что придумал.

Иван объяснил им свою мысль. Они замерли, не в силах поверить, что у них появился шанс. Призрачный шанс, но теперь они могли что-то делать, а не ждать, когда придет смерть. Все это выглядело хрупким и ненадежным, в какой-то степени это даже ухудшало их ситуацию, но сейчас каждому из них трудно было анализировать непредвзято. Теперь никакой риск не заставит их отказаться от этой лазейки.

— Для начала, — Иван посмотрел на Грэга. — Нужно решить, кто из нас побежит за машиной. У тебя как с бегом? Здесь короткая дистанция.

Грэг пожал плечами.

— Не знаю... Давно не бегал.

— Я тоже не каждый день бегаю. Ладно, я побегу. Стометровку и шестьдесят метров я всегда бегал неплохо. Даже хорошо.

Ева выдавила улыбку.

— Первый раз слышу, что ты хорошо бегал.

Она пыталась разрядить обстановку, ободрить его, за это Иван был ей благодарен.

— Это было моей маленькой тайной. Типа приятного сюрприза.

Она не выдержала, заплакала, уткнулась ему в грудь.

— Мне страшно... Не ходи никуда...

— Не волнуйся. Я выбегу, если они хлынут за дом. Они купятся на эту уловку, вот увидишь. Секунд пять-семь-десять, но мне этого хватит, — он отстранился от Евы. — Давайте за дело, время идет...

Они забаррикадировали кухонный проем, в последний момент убрали кухонные шкафы от задней двери. Задняя дверь содрогнулась от давления снаружи, но выдержала. Иван настоял на том, чтобы оставить щель, достаточную для ружья. Собаки снаружи неистовствовали, чуяли, что враги

что-то затевают.

— Сможешь попасть в дверной замок? — спросил Иван.

Грэг пригнулся, просунул дуло в щель между шкафом и тумбочкой, поставленной на лежащий поперек входа холодильник.

— Постараюсь.

— Когда они ворвутся, обязательно подстрели кого-нибудь. Они займутся трупами, это их задержит.

Он встал, посмотрел на Ивана.

— Ключ торчал в замке зажигания. Я про джип. И солярка в гараже, в канистрах.

— Хорошо.

— Ворота закрыты изнутри на засов, открыть можно только вручную. Выбить джипом можно, но ворота крепкие, вдруг заглохнешь?

— Разберусь. Надо сначала туда попасть.

— Если ты откроешь ворота... собаки сразу ворвутся. Надо успеть запрыгнуть в джип.

— Успею. Вы тут держитесь. Главное — не дрогнуть.

Иван размялся, разогрел мышцы ног. Грэг пристроился у баррикады в кухонном проеме.

— Готов? — крикнул Иван.

— Да!

Иван и Ева открыли шпингалеты окна. Теперь окно можно распахнуть одним рывком.

Собаки завыли. Ева поморщилась. Анна стояла в дверном проеме. Иван посмотрел на женщин.

— Несите рюкзаки, под окном положим. Сначала все приготовьте, потом будет не до этого.

Анна и Ева притянули вещи.

— Иван, — заговорила Ева. — Их так много... Если они полезут, давя друг друга, они могут скинуть тумбочку или сдвинуть шкаф.

— Так просто они не пролезут. Час у вас будет, а я постараюсь вернуться раньше. Меня больше беспокоит, смогу ли я к окну вплотную подъехать.

Ева выглянула в окно.

— Сможешь.

Иван встал к окну, закрыл глаза, помолчал. Женщины ждали его сигнала. Они и хотели этого и не хотели. Но выбора не было.

Иван оглянулся на Анну.

— Иди к нему, — он глубоко вдохнул, уперся плечом в стену возле окна и закричал. — Давай, Грэг!

Пауза длилась секунды две, не больше, но нервное напряжение превратило их в бесконечность.

— Грэг! — заорал Иван.

Его крик перешел в грохот выстрела.

Пробоина в двери на месте замочной

скважины сделала преграду хлипкой. Один напор и — дверь не выдержала, поддалась. В кухню ввалились полдесятка собак. Грэг выстрелил снова. Одну собаку размазало по дверному косяку и стене, троих ранило. Скулеж раненых заглушил вой сотни глоток. Прыгая друг на друга, собаки заполнили кухню. Баррикаду кухонного проема сотряс первый удар. Тумбочку едва не столкнуло. Анна закричала, упершись в нее, удерживая на месте. Грэг выстрелил третий раз. Кухонные стены заляпало кровью, но ни грохот, ни скулеж новых раненых стаю не остановил: собаки врывались, запрыгивали, протискивались.

Иван отступил на шаг, готовый запрыгнуть на подоконник. Ева взялась за оконную ручку. Перед домом еще были собаки, но их становилось все меньше с каждой секундой, они уходили из поля зрения, спешили на задний двор.

— Еще немного, — вырвалось у Ивана. — Еще, жди, жди, жди...

Собаки исчезли из поля зрения, словно их тут и не было. Иван не успел ничего сказать, и Ева распахнула окно. Иван запрыгнул на подоконник, но прежде сделал то, во что сам не поверил — поцеловал Еву в щеку. Прыжок — и он уже стоял на земле. Воздух содрогался от визга, воя, лая, но в пределах видимости не было ни одной твари.

Иван побежал, успев осознать мысль: как

хорошо, что нет части забора.

Собаки заметили его, когда он пересек улицу. Иван понял это по изменившемуся гвалту за спиной. Новая волна воя сотрясла воздух. Даже сквозь этот вой слышался приближающийся шорох десятков лап, несущихся следом.

У него была фора, он должен успеть, но страх замедлил его бег, сковал ноги, последний десяток метров до крыльца Иван одолел с трудом. Форы почти не осталось, когда он захлопнул дверь за собой.

В боку закололо, пот на лице вынудил зажмуриться. Иван с трудом закрыл дверь на замок, подпер ее тумбой для обуви. Дверь сотряслась от удара, в рычании десятков тварей Ивану слышалось разочарование. Яростные звуки лучше окон показали Ивану, с какой скоростью собаки окружили дом в поисках другого входа.

Иван позволил себе отдышаться, все-таки бегун из него сейчас никудышный. Он вымотан, ослаблен, бегал давно, сказалось и напряжение. Когда он выглянул из окна, дом был в плотном сером кольце. Часть собак металась от одного дома к другому, они сталкивались друг с другом, затевали схватки, побежденных тут же разрывали на части. Но этого стае было мало — блокада двух домов не стала менее плотной.

Вид обезумевшей стаи действовал на нервы, лишал решимости, но хуже всего оказалось одиночество. На миг Иван испытал панику при мысли, что джип не заведется, и останется лишь умереть, когда придут крысы, умереть, даже не увидев на прощание Еву. Беременную Еву.

Иван закричал, прогоняя от себя наваждение, такое яркое, словно он видел это собственными глазами. Он прошел к гаражу, дверь была приоткрыта. Иван заглянул внутрь. Полумрак вынудил его воспользоваться спичками, но глаза быстро привыкли. Кое-как он залил в бак горючее, завинтил крышку. Иван медлил — оттягивал момент, когда станет ясно, останется он здесь или же выедет на джипе, чтобы спасти Еву. Дверь гаража дрожала от непрекращающихся ударов, но Иван отстранился от этого.

Он забрался в машину, не закрывая дверцу, помедлил. Ключ торчал в замке зажигания. Иван взялся за ключ рукой, через секунду руку убрал. Гараж располагался под домом, стены толстые, цементный пол, похоже на небольшой подземный бункер. Температура во время Великого Холода не могла быть здесь критической, но кто знает, что стало с техникой. Когда они решались на этот план, Иван пожалел, что Грэг не успел проверить джип — сейчас Ивану было бы легче.

Он вспомнил о зеркальце в кармане куртки.

Он так и не подарил его Еве! И Грэг не напомнил, забыл про свой подарок — часики. Им было не до того, какие подарки — лишь бы выжить. Сейчас Иван едва не заорал от обиды.

Он повернул ключ. Джип чихнул... и не завелся. Иван повернул снова. И еще. Черная волна отчаяния захлестнула мозг. Двигатель ожил, заурчал. Машина была на ходу. Иван медленно отер пот со лба рукавом куртки. Он весь взмок за эти последние секунды. Все еще не веря, что появился реальный шанс, Иван утопил педаль газа. Джип отозвался усилившимся звуком. Иван улыбнулся, выжал сцепление, тронул машину с места. Джип дернулся, проехал два метра, коснулся бампером ворот гаража.

Собаки снаружи заглушили урчание двигателя. Под их напором прогнулись ворота. Иван вышел из джипа. Сейчас он не имел права на ошибку. У него только одна попытка открыть ворота и вовремя забраться в джип. Он решил, что лучше потратить время и потренироваться — совершить пару рывков от ворот к распахнутой дверце водителя. Всего лишь пару метров, но какими длинными они сейчас казались.

Один раз он ударился коленом о бампер. Попробовал еще пару раз — получалось неплохо. Он запыхался, сел передохнуть. Дрожали руки и ноги, хотелось поговорить с кем-нибудь, а лучше с

Евой, потребность такая сильная, что мелькнула мысль: не забраться ли на крышу и закричать, чтобы Ева выглянула в окно, что-нибудь ответила? Он встал, прошел к выходу из гаража и лишь тогда осознал, что делает — все это вышло у него непроизвольно. Конечно, глупость — лезть на крышу, звать Еву. Он потеряет время, энергию, плюс риск, что он свалится с крыши или вообще туда не заберется, а это неизбежное разочарование. Лучше сосредоточиться на жизненно важном.

Иван быстро подошел к воротам, рывком убрал засов. Мгновение он стоял и смотрел, как появляется щель, как собачья лапа просовывается в нее. Он отпрянул к машине, едва не захлопнул дверцу, но удержал ее, когда первая тварь ворвалась в гараж. Иван запрыгнул в салон, захлопнул дверцу, и в ту же секунду дверцу сотряс удар.

Ворота из-за напора собак распахнулись, и в гараже стало светло.

Появившаяся в считанных сантиметрах собачья морда вынудила Ивана шарахнуть на пассажирское сиденье. Тварь ткнула в стекло носом, еще раз и еще. Она не понимала, почему не может добраться до жертвы, невидимая преграда была выше ее понимания. Появились другие твари, расталкивая друг друга, они пытались запрыгнуть в салон, забрызгивая стекло слюной и кровью